

Бюллетень Европейского Суда по правам человека
Российское издание
№ 1/2010

Редакционная: необходимые пояснения и краткие замечания

**То, чего так долго ждал Совет Европы, свершилось:
Россия ратифицировала Протокол № 14**

Пятнадцатого января, на второй день открывшейся весенней (2010 года) сессии, Государственная Дума, говоря протокольным языком, приняла федеральный закон "О ратификации Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в контрольный механизм Конвенции, от 13 мая 2004 года". "За" проголосовали депутаты фракций "Единая Россия", ЛДПР и "Справедливая Россия", "против" - КПРФ. 27 января, в первый же день весенней сессии, закон о ратификации одобрил Совет Федерации, и для вступления его в силу остается подписать его Президентом, за которым, судя по развитию событий, дело не станет.

Совет Европы известие о ратификации Протокола № 14 встретил дипломатично сдержанно. "Ратификация будет, безусловно, содействовать реформе судебной системы, проводимой российскими властями, они могут рассчитывать на нашу полную поддержку в этом отношении. Присоединяясь к другим 46 государствам - членам Организации, Россия посылает ясный сигнал о своей приверженности европейским ценностям", - заявил Генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд.

"Мы приветствуем ратификацию Государственной Думой Российской Федерации Протокола № 14. Это решение открывает путь для его вступления в силу. Усовершенствования, вносимые таким образом в контрольный механизм Конвенции, будут способствовать дальнейшему укреплению защиты основных прав всех лиц, подпадающих под юрисдикцию 47 государств - членов Совета Европы", - заявили председатели Комитета министров Мишлин Кальми-Рей и Парламентской ассамблеи Луис Мария де Путч.

Жан-Поль Коста, председатель Европейского Суда по правам человека, приветствовал решение Государственной Думы Российской Федерации одобрить проект закона о ратификации Протокола № 14. Он с удовлетворением заявил, что этот документ окажется полезным всем странам Совета Европы.

В нашей же Государственной Думе и Совете Федерации по этому поводу царили "ура-патриотические" настроения. Напомним, что в декабре 2006 года большинство депутатов проголосовали против ратификации Протокола № 14. Спустя три года, в 2009, Госдума приняла заявление, в котором российские депутаты объяснили Европе, что именно их не устраивает в Протоколе № 14. Во-первых, это предоставление комитетам из трех европейских судей, депутаты нарекли их трагически известными из нашей истории "тройками", права выносить решение по существу дела без обязательного участия в комитете

судьи от государства-ответчика. Во-вторых, возможность проведения расследования в государстве-ответчике на стадии, предшествующей установлению приемлемости самой жалобы для судебного разбирательства. В-третьих, наконец, это расширяющая трактовка функций и самого Европейского Суда, и Комитета министров Совета Европы в части контроля за исполнением вынесенных судом решений.

Долгих четыре года, как утверждают некоторые депутаты и сенаторы, велись переговоры с Советом Европы, исписаны килограммы бумаги, затрачены средства на быструю почту и командировочные расходы. И вот, она, победа! "Нам, в отличие от других стран - членов Совета Европы, очень серьезно пошли навстречу", - заявил депутат от "Единой России" Дмитрий Вяткин (цитируем по "Российской газете" N 5086 (7) от 18 января 2010 г.). Ему вторит сенатор Валерий Федоров: "В ходе длительных переговоров и кропотливой работы нам удалось отстоять свою позицию. Удалось добиться того, чтобы национальная правовая система имела приоритет при решении вопросов в рамках страсбургского суда" (цитируем по "Интерфаксу").

Смеем возразить господам-законодателям: нам не то что "серьезно", а вообще не пошли навстречу. После четырехлетних переговоров российских депутатов с Советом Европы в Протоколе N 14 не изменено ни слова, ни запятой. Нам просто долго и упорно разъясняли то, что другим 46 странам стало понятно сразу.

Самое время привести суждение судьи Европейского Суда по правам человека, избранного от Российской Федерации, профессора Анатолия Ивановича Ковлера, опубликованное в "Коммерсанте" в связи с ратификацией Россией Протокола N 14: "Революции в отношениях России и Совета Европы нет совершенно - ни о каких уступках речь не идет: протокол ратифицирован точно в том виде, в каком его подписали 46 стран. Россию удовлетворило разъяснение смысла спорных статей протокола, которое по просьбе Комитета министров Совета Европы дал Европейский Суд по правам человека. Пояснительная записка была направлена 6 ноября прошлого года секретарем-канцлером Европейского Суда председателю Комитета министров Совета Европы. В этом документе, который получили и МИД РФ, и депутаты, протокол разъясняется применительно ко всем без исключения участникам. Там указано, что не только российский судья, но и представитель любого государства-ответчика вправе присутствовать при рассмотрении вопроса о приемлемости жалобы, как это предусмотрено ст. 28 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в новой редакции. А вопросы исполнения решений Европейского Суда остаются предметом диалога Комитета министров с каждым государством - членом Совета Европы".

И последнее. Напомним, что за Государственной Думой перед Советом Европы остается еще один должок - Протокол N 6 к европейской Конвенции, запрещающий смертную казнь в мирное время. Россия остается единственной страной - членом Совета Европы, не ратифицировавшей этот протокол. Может быть, депутаты, когда им уже некуда будет деваться, тоже надеются отговориться, как и в случае с Протоколом N 14 - "нам, в отличие от других стран - членов Совета Европы, очень серьезно пошли навстречу". Уважаемые

господа-законодатели, не надейтесь: для Совета Европы принципы защиты прав человека и основных свобод - святое дело!

По жалобам о нарушении статьи 2 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на жизнь

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

По делу обжалуется гибель демонстранта во время операции по поддержанию общественного порядка на саммите "большой восьмерки". По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были.

Джулиани и Гаджо против Италии [Giuliani and Gaggio v. Italy] (N 23458/02)

Постановление от 25 августа 2009 г. [вынесено IV Секцией]

(См. **ниже** изложение обстоятельств данного дела.)

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

Вопрос об эффективном расследовании

По делу обжалуется уклонение от проведения эффективного расследования судьбы греков-киприотов, безвестно отсутствующих с времен турецких военных операций на севере Кипра в 1974 году. По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции.

Варнава и другие против Турции [Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

Заявители - родственники девяти кипрских граждан, исчезнувших во время турецких военных операций на севере Кипра в июле и августе 1974 г. Обстоятельства дела оспаривались сторонами. Восемь из них являлись военными служащими, и предполагается, что они исчезли после пленения и заключения под стражу турецкими вооруженными силами. Свидетели

утверждают, что видели их в турецких тюрьмах в 1974 году, и некоторые из этих людей были идентифицированы семьями по фотографиям, опубликованным в греческой прессе. Турецкое государство-ответчик отрицает, что заявители были захвачены в плен турецкими силами, и утверждают, что они погибли в боевых действиях во время конфликта. Девятый пропавший, г-н Хаджипантели, являлся банковским служащим. Заявители предполагают, что он в числе других лиц был захвачен турецкими силами для допроса в августе 1974 г., после чего исчез. Его останки были обнаружены в 2007 году благодаря деятельности Комитета ООН по пропавшим без вести (СМР). СМР был учрежден в 1981 году с целью составления полных списков безвестно отсутствующих лиц с обеих сторон конфликта и определения того, живы они или умерли. Он не имеет полномочий для установления ответственности или выводов о причине смерти. Останки г-на Хаджипантели были эксгумированы из братской могилы близ поселения турок-киприотов. В медицинском свидетельстве отмечены пулевые ранения в голову и правую руку, а также рана на правом бедре. Турецкое государство-ответчик отрицало факт его задержания, ссылаясь на то, что его имя отсутствовало в списке греков-киприотов, содержащихся в предполагаемом месте лишения свободы, которое посещал Международный Красный Крест (МКК).

Постановлением Палаты от 10 января 2008 г. (см. "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] N 104* (* "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] N 104 соответствует "Бюллетеню Европейского Суда по правам человека" N 7/2008.)) Европейский Суд установил, что имели место длящееся процессуальное нарушение статей 2 и 5 Конвенции и нарушение статьи 3 Конвенции. Он не установил нарушения статьи 5 Конвенции в процессуальном аспекте.

Вопросы права

(а) Предварительные возражения. Государство-ответчик оспаривало юрисдикцию Европейского Суда для рассмотрения данного дела по следующим основаниям. Во-первых, оно указывало, что отсутствовал правовой интерес в рассмотрении жалоб, поскольку Европейский Суд уже разрешил вопрос об исчезновениях безвестно отсутствующих греков-киприотов в четвертом межгосударственном деле (Постановление Большой Палаты от 10 мая 2001 г. по делу "Кипр против Турции" [Cyprus v. Turkey], жалоба N 25781/94, "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" N 30). Во-вторых, жалобы выходят за пределы временной юрисдикции Европейского Суда, поскольку безвестно отсутствующие должны считаться умершими задолго до признания Турцией права на обращение в Европейский Суд, имевшего место 28 января 1987 г., и обособленное процессуальное обязательство, не связанное с фактическими основаниями жалобы, не может возникнуть. В любом случае процессуальное обязательство

на основании статей 2 и 3 Конвенции является новейшим развитием практики и не может рассматриваться как связывающее государства ранее. Наконец жалобы были поданы 25 января 1990 г., более чем шесть месяцев спустя признания Турцией права на обращение в Европейский Суд, и, следовательно, поданы за пределами срока.

(i) Правовой интерес. Для целей подпункта "b" пункта 2 статьи 35 Конвенции жалоба является "по существу аналогичной" той, которая уже была рассмотрена Европейским Судом, если она затрагивает не только аналогичные факты, но и подана теми же лицами. Таким образом, межгосударственная жалоба не лишает заявителей предъявить или поддерживать собственные требования. Что касается вопроса о том, требуют ли жалобы исключения из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом, в соответствии с подпунктом "c" пункта 1 статьи 37 Конвенции, выводы по четвертому межгосударственному делу не уточняют, в отношении каких неизвестно отсутствующих лиц они сделаны. Кроме того, в отношении индивидуальных жалоб Европейский Суд обладает правом присуждения справедливой компенсации заявителям и указания на общие меры в соответствии со статьей 46 Конвенции. Таким образом, в продолжение рассмотрения жалоб сохраняется правовой интерес.

Постановление

Предварительное возражение отклонено (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

(ii) Временная юрисдикция. Процессуальное обязательство проведения расследования гибели в соответствии со статьей 2 Конвенции развилось в обособленную и автономную обязанность и может рассматриваться как "отделяемое обязательство", способное связывать государство, даже если гибель имела место до вступления в силу Конвенции (см. Постановление Большой Палаты от 9 апреля 2009 г. по делу "Шилих против Словении" [Cilih v. Slovenia], жалоба N 71463/01, "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" N 118* (* "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] N 118 соответствует "Бюллетеню Европейского Суда по правам человека" N 9/2009.)). Несущественно, что процессуальное обязательство развилось в прецедентной практике Европейского Суда после признания Турцией права на обращение в Европейский Суд, поскольку прецедентная практика является средством разъяснения ранее существовавших текстов, и запрет придания обратной силы не применим к ней в том же порядке, что и к законодательным актам.

Что касается довода о том, что неизвестно отсутствующие лица должны были считаться умершими задолго до возникновения временной юрисдикции в 1987 году, Европейский Суд различает фактическую презумпцию и вытекающие из нее правовые последствия. Процессуальное обязательство расследовать исчезновения при угрожающих жизни обстоятельствах едва ли могло прекратиться с обнаружением тела или с презумпцией смерти, поскольку

обязанность расследовать исчезновение и смерть и установить и привлечь к ответственности любое лицо, совершившее незаконные действия, как правило, сохраняется. Соответственно, даже если истечение 34-летнего срока в отсутствие каких-либо сведений может создавать убедительное косвенное доказательство причинения смерти, это не устраняет процессуальное обязательство по расследованию.

Кроме того, следует различать обязанность расследования подозрительной смерти и обязанность расследования подозрительного исчезновения. Исчезновение представляет собой особое явление, характеризующееся длящейся ситуацией неопределенности и безответственности, в котором отсутствует информация или даже имеется сознательное сокрытие и запутывание обстоятельств происшествия. Оно не является "мгновенным" актом или событием; длящуюся ситуацию порождает дополнительный отличительный признак последующего отсутствия объяснения места нахождения или судьбы безвестно отсутствующего, причем процессуальное обязательство потенциально сохраняется, пока судьба безвестно отсутствующего не выяснена, даже если он считается умершим. В этой связи требование о приближенности смерти и следственных мер к дате вступления в силу Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу "Шилих против Словении") применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей.

Постановление

Предварительное возражение отклонено (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

(iii) Правило шестимесячного срока. Заявители по делам об исчезновениях должны представить доказательства определенной старательности и инициативы и подавать жалобы без неоправданной просрочки. Хотя стандарт безотлагательности, ожидаемой от родственников, не может быть слишком строгим с учетом серьезности преступлений, связанных с исчезновением, жалобы могут быть отклонены при наличии избыточной или необъяснимой просрочки со стороны заявителей, которые сознавали или должны были сознавать, что расследование не начато или бездействует или отличается неэффективностью, и что отсутствует непосредственная и реальная перспектива эффективного расследования в будущем. Наступил ли этот этап, зависит от обстоятельств конкретного дела.

При исключительных обстоятельствах настоящего дела, которое затрагивает международный конфликт, при котором обычные следственные процедуры были недоступны, со стороны заявителей было разумно ожидать результата инициатив правительства и ООН, поскольку они могли повлечь меры по осмотру известных мест массовых захоронений и создать основу для дальнейших действий. В связи с тем, что к концу 1990 года должно было стать очевидным, что эти процессы не дают реальной надежды на успех в обнаружении тел или установлении судьбы их родственников в ближайшем будущем, заявители обратились в Европейский Суд в январе этого года.

Соответственно, при особых обстоятельствах дела они действовали с разумной безотлагательностью.

Постановление

Предварительное возражение отклонено (вынесено 15 голосами "за" и двумя - "против").

(b) Существо жалобы. По поводу соблюдения статьи 2 Конвенции. Европейский Суд признает, что в деле имеются, по крайней мере, доказуемые данные о том, что безвестно отсутствующих в последний раз видели в районах, которые находились под контролем турецких вооруженных сил или должны были перейти под такой контроль. Погибли они или попали в плен, их судьба по-прежнему требует разъяснения. Статья 2 Конвенции должна, насколько это возможно, толковаться с учетом общих принципов международного права, в том числе норм международного гуманитарного права, которые играют неопределимую и общепризнанную роль в смягчении жестокости и бесчеловечности вооруженных конфликтов. В зоне международного конфликта государства-участники связаны обязательством защиты жизни тех, кто участвует или уже не участвует в военных действиях. Это обязательство также распространяется на оказание медицинской помощи раненым и надлежащее обращение с останками и предоставление информации о личности и судьбе соответствующих лиц. Государство-ответчик не представило доказательств или убедительных объяснений в ответ на данные заявителей о том, что безвестно отсутствующие исчезли в районах, находившихся под исключительным контролем последнего. Поскольку исчезновения имели место при угрожающих жизни обстоятельствах там, где ведение военных действий сопровождалось широкомасштабными арестами и убийствами, статья 2 Конвенции возлагает на государство-ответчика длящееся обязательство представить объяснения по поводу места нахождения и судьбы безвестно отсутствующих.

Что касается вопроса о соблюдении этого обязательства, Европейский Суд полностью признает значение продолжающихся эксгумаций СМР и опознания останков и доверяет работе, проделанной для получения информации и возвращения останков родственникам. Однако он отмечает, что, хотя работа СМР является важным первым шагом процесса расследования, она не является достаточной для исполнения обязательства государства-ответчика по проведению эффективного расследования с точки зрения статьи 2 Конвенции. Судя по материалам, предоставленным в отношении одного из безвестно отсутствующих, Хаджипантели, процедура опознания останков сводилась к выдаче медицинской справки о смерти, в которой кратко указывались травмы, повлекшие смерть. Таким образом, отсутствовал доклад, анализирующий обстоятельства или даже дату смерти, не проводились следственные действия по установлению или допросу свидетелей. Тем самым даже если место нахождения тела было обнаружено, это не проливало достаточного света на обстоятельства гибели жертвы.

Признавая значительные сложности в сборе доказательств и исследовании дела по истечении столь длительного срока после событий,

Европейский Суд напоминает, что эффективное расследование должно быть способным повлечь определение того, была ли смерть причинена незаконно, и если да, привести к установлению и наказанию виновных. Не имеется данных о том, что СМР вышел за рамки своих ограниченных полномочий, и никакой другой орган не принимал участие в определении фактов или сборе и оценке доказательств для привлечения виновных к ответственности. Если расследование могло оказаться безрезультатным, такой исход не был неизбежным, и государство-ответчик не может быть освобождено от обязанности предпринимать необходимые усилия. Тот факт, что обе стороны конфликта могли предпочесть "политически чувствительный" подход, и что СМР с его ограниченными полномочиями являлся единственным решением, которое могло быть согласовано при посредничестве ООН, не имеет значения для применения Конвенции. Таким образом, имело место длящееся уклонение от эффективного расследования судьбы девяти безвестно отсутствующих лиц.

Постановление

По делу допущено длящееся процессуальное нарушение требований статьи 2 Конвенции (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд не находит оснований для отхода от вывода по четвертому межгосударственному делу о том, что безразличие турецких властей по поводу обоснованной озабоченности заявителей относительно судьбы их пропавших родственников может рассматриваться только как бесчеловечное обращение.

Постановление

По делу допущено длящееся нарушение требований статьи 3 Конвенции (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

По поводу соблюдения статьи 5 Конвенции. По делу имелись доказуемые данные о том, что двоих из безвестно отсутствующих, которые были включены в списки МКК в качестве заключенных, видели при обстоятельствах, подпадающих под контроль турецких или турецко-кипрских сил. Однако турецкие власти не признали их заключение под стражу и не представили документальных доказательств, позволяющих проследить их перемещение. Хотя не имеется доказательств того, что кто-либо из безвестно отсутствующих находился под стражей в период, относящийся к юрисдикции Европейского Суда, турецкое государство-ответчик должно было доказать, что провело эффективное расследование доказуемой жалобы о том, что двое безвестно отсутствующих были заключены под стражу и впоследствии исчезли. Вышеизложенные выводы Европейского Суда в части нарушения статьи 2 Конвенции не оставляют сомнения в том, что власти не провели необходимого расследования в этом отношении.

Постановление

По делу допущено длящееся нарушение требований статьи 5 Конвенции в отношении двоих безвестно отсутствующих (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции Европейский Суд присудил выплатить каждому заявителю 12 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда с учетом серьезного характера дела и десятилетий неопределенности, которую должны были претерпевать заявители. Европейский Суд разъяснил, что не применяет конкретных ставок возмещения ущерба по делам об исчезновениях, но руководствуется справедливостью, которая включает гибкость и объективное рассмотрение справедливого и разумного при всех обстоятельствах.

Вопрос об эффективном расследовании

По делу обжалуются недостатки расследования обстоятельств стрельбы по демонстранту представителем сил безопасности на саммите "большой восьмерки". По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции.

Джулиани и Гаджо против Италии [Giuliani and Gaggio v. Italy] (N 23458/02)

Постановление от 25 августа 2009 г. [вынесено IV Секцией]

(См. [ниже](#) изложение обстоятельств данного дела.)

Вопрос о правомерности применения силы

По делу обжалуется гибель демонстранта во время операции по поддержанию общественного порядка во время саммита "большой восьмерки". По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были.

Джулиани и Гаджо против Италии [Giuliani and Gaggio v. Italy] (N 23458/02)

Постановление от 25 августа 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявителями по делу являются родители и сестра Карло Джулиани, погибшего во время столкновений на саммите "большой восьмерки" в Генуе

19-21 июля 2001 г. Во время несанкционированной демонстрации между антиглобалистами и правоохранительными органами возникли ожесточенные столкновения. Под давлением демонстрантов группа из приблизительно 50 карабинеров отступила пешком, оставив две машины незащищенными* (* В прессе происшествие объяснялось тем, что подразделение карабинеров, напавших на демонстрантов 20 июля 2001 г., прибыло из другой области, не ориентировалось на улицах Генуи и после применения слезоточивого газа было оттеснено ими, тогда как экипаж джипа не успел скрыться (прим. переводчика).). Одна из них, с тремя карабинерами внутри, не могла двигаться, была окружена и подверглась нападению трех групп демонстрантов, часть которых были вооружены железными прутьями, киркомотыгами, камнями и иными тупыми предметами. Один из карабинеров, пострадавший от удушающего воздействия гранат со слезоточивым газом, которые он взорвал до этого, получил разрешение забраться в джип для выезда с места столкновений. Страдая от повреждений и паникуя, защищаясь с одной стороны противоударным щитом и выкрикивая демонстрантам требование удалиться "или он их убьет", он достал оружие и после предупреждения дважды выстрелил из автомобиля. Карло Джулиани был смертельно ранен пулей в лицо. Пытаясь уехать, водитель дважды переехал безжизненное тело молодого человека. Когда демонстранты были вытеснены, на место происшествия прибыл врач, который констатировал смерть. Итальянские власти немедленно организовали расследование. Против стрелявшего полицейского и водителя автомобиля было возбуждено уголовное дело об умышленном лишении жизни. По результатам вскрытия было установлено, что потерпевший погиб вследствие выстрела. Прокурор назначил три экспертизы и дал разрешение на кремацию тела Карло Джулиани. В 2003 году уголовное дело было прекращено следственным судьей.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 2 Конвенции.

(а) Предположительно избыточное применение силы. С учетом выводов расследования и отсутствия данных о противоположном Европейский Суд не имел оснований сомневаться в том, что полицейский, производивший выстрелы, добросовестно полагал, что его жизнь находится в опасности; Суд придерживается мнения о том, что полицейский использовал оружие как средство защиты против нападения, направленного на пассажиров джипа. Это одно из обстоятельств, перечисленных в пункте 2 статьи 2 Конвенции, при которых применение летальной силы может быть допустимым; однако, само собой разумеется, что между целью и средствами должно быть достигнуто равновесие. Полицейский, производивший стрельбу и использовавший мощное оружие, страдал от действия гранат со слезоточивым газом, и судом не установлено, что он имел противоударный щит, за которым он мог бы скрыться* (* В § 23 Постановления со ссылкой на показания демонстранта Предонцани Европейский Суд указал, что убийца закрывался противоударным щитом с одной стороны, воспроизведя их в разделе "Обстоятельства дела" настоящего обзора. По-видимому, Палата не сочла эти показания достоверными

или забыла о них, так как § 225 Постановления содержит только указание на то, что решение о прекращении уголовного дела не затрагивало вопрос о наличии щита (прим. переводчика).). Перед тем, как открыть стрельбу, он кричал и держал оружие так, чтобы оно было видно снаружи. Полицейский столкнулся с группой демонстрантов, осуществлявших насильственное нападение на автомобиль, в котором он находился, игнорировавших его призывы удалиться. При обстоятельствах настоящего дела применение летальной силы, хотя и заслуживало значительного сожаления, не превысило пределов абсолютно необходимого для избежания того, что полицейский добросовестно считал реальной и непосредственной угрозой для его жизни и жизни его коллег* (* В прессе сообщалось, что в момент выстрела потерпевший нагнулся, чтобы поднять пустой огнетушитель (прим. переводчика).). С учетом этих соображений непропорциональное применение силы не имело места.

Постановление

По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

(b) Обязательство по защите жизни. Во-первых, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о наличии непосредственной связи между возможными недостатками в подготовке и проведении операции правоохранительными органами и гибелью Карло Джулиани. В этой связи Европейский Суд отмечает, что автомобиль, в котором передвигался стрелявший полицейский, был заблокирован при бегстве карабинеров после нападения на особенно агрессивных демонстрантов. Полицейские, размещенные поблизости, не вмешались для оказания содействия пассажирам автомобиля, и последние вообразили, что находятся в серьезной опасности, вследствие чего один из них использовал свое огнестрельное оружие. Ряд вопросов, безусловно, требуют ответа: (i) действовал бы точно так же полицейский, производивший выстрелы, который находился в особом состоянии, вызванном высоким уровнем стресса и паники, если бы он приобрел лучшую подготовку и опыт; (ii) обеспечила бы лучшая координация действий правоохранительных органов, присутствовавших на месте происшествия, возможность пресечения нападения в отсутствие жертв, и (iii), наконец, что имеет первоочередное значение, могла ли быть предотвращена трагедия, если бы необорудованный джип не был оставлен в центре столкновений, особенно, с учетом того, в нем находились получившие повреждения полицейские, все еще имевшие оружие. Ответы на эти вопросы не были получены при расследовании, проводившемся на национальном уровне, и не вытекали из других материалов дела. Кроме того, в отличие от некоторых других дел, риск помех являлся непредсказуемым и зависел от развития ситуации. Соответственно, операция была широкомасштабной, а ситуация - несколько неопределенной. Кроме того, указанные события развернулись в конце долгого дня* (* Постановление по делу содержит подробный хронометраж событий, из которого следует, что от начала демонстрации протеста (13.30) до констатации смерти Джулиани (17.27) прошло менее четырех часов, причем столкновения начались около 15.00, после того, как

карабинеры обстреляли демонстрацию гранатами со слезоточивым газом (прим. переводчика.) операций по наведению порядка, во время которых правоохранительные органы находились под неимоверным давлением. С учетом этих соображений и того достойного сожаления факта, что в этом отношении национальное расследование не проводилось* (* В ряде дел по жалобам жителей Чеченской Республики Европейский Суд приходил к выводу о том, что на власти возлагается "бремя представления убедительного объяснения того, что случилось в указанном месте", в отсутствие которого он признавал нарушение статьи 2 Конвенции. Например, в Постановлении по делу "Эльмурзаев и другие против России" [Elmurzayev and Others v. Russia] Европейский Суд указывал, что "с учетом значения защиты, предусмотренной статьей 2 Конвенции, Европейский Суд обязан подвергнуть лишение жизни наиболее тщательной проверке, принимая во внимание не только действия государственных служащих, но и все сопутствующие обстоятельства" (§ 101). В данном деле Европейский Суд установил, что отсутствие национального расследования освобождает власти от ответственности за убийство демонстранта в процессе неподготовленной операции (прим. переводчика.), Европейский Суд не в состоянии установить наличие прямой и непосредственной связи между недостатками, которыми могли отличаться подготовка и проведение операция по поддержанию общественного порядка, и гибелью Карло Джулиани. Что касается довода заявителей о том, что после того, как Карло Джулиани упал на землю, власти медлили с вызовом и организацией помощи, ничто не указывает на том, что скорая помощь прибыла с неоправданной задержкой при этих обстоятельствах. С учетом этого не установлено, что итальянские власти не исполнили свою обязанность по защите жизни Карло Джулиани.

Постановление

По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были (вынесено пятью голосами "за" и двумя - "против").

(с) Соблюдение процессуальных обязанностей, вытекающих из статьи 2 Конвенции. Вскрытие было произведено на следующий день после смерти Карло Джулиани с участием двух врачей, назначенных прокуратурой. Однако оно не повлекло определения точной траектории причинившей смерть пули или извлечения металлического фрагмента, который при сканировании явно усматривался в черепе потерпевшего. Кроме того, пули, выпущенные полицейским, не были обнаружены, и не имеется данных о том, что соответствующие попытки были предприняты. Проведенное вскрытие и выводы заключения о вскрытии не могли считаться достаточными для обеспечения последующего эффективного расследования или отвечающими минимальным требованиям к расследованию убийства, поскольку многие принципиальные вопросы были оставлены без ответа. Эти недостатки следует рассматривать как особенно серьезные с учетом того, что тело Карло Джулиани было выдано заявителям и дано разрешение на его кремацию, что исключило возможность проведения дальнейших исследований. Также, к сожалению, разрешение на

кремацию тела было дано задолго до того, как стали известны результаты вскрытия, хотя прокурор охарактеризовал заключение вскрытия как "поверхностное". С учетом недостатков судебно-медицинской экспертизы и того факта, что тело не было сохранено, неудивительно, что производство по уголовному делу было завершено решением о его прекращении. Соответственно, власти не провели адекватного расследования обстоятельств смерти Карло Джулиани. Во-вторых, национальное расследование ограничилось оценкой ответственности лиц, непосредственно причастных к происшествию. Ни на одном его этапе не делались попытки рассмотреть общий контекст событий и дать оценку тому, планировали и проводили ли власти операции по поддержанию общественного порядка таким образом, чтобы предотвратить инциденты того рода, который повлек гибель Карло Джулиани. В частности, расследование не пыталось установить, почему стрелявший полицейский, которого вышестоящие начальники сочли непригодным для продолжения несения службы в связи с его физическим и психическим состоянием, не был направлен непосредственно в больницу, а при наличии заряженного оружия был помещен в незащищенный джип, который был отрезан от сопровождавшегося им контингента. Иными словами, расследование не было адекватным, поскольку не стремилось установить, кто несет ответственность за данную ситуацию.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции (вынесено четырьмя голосами "за" и тремя - "против").

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить 15 000 евро родителям жертвы и 10 000 евро сестре жертвы в счет компенсации причиненного морального вреда* (* В "Информационном бюллетене" опущены за ненадобностью сведения о том, что Европейский Суд счел, что не является необходимым рассмотрение жалобы с точки зрения статей 3, 6 и 13 Конвенции, а также признал, что власти государства-ответчика не допустили несоблюдения статьи 38 Конвенции в связи с тем, что представляли в процессе разбирательства ложные или неполные сведения, объясняя свое поведение тем, что их право на защиту является "священным". Сославшись на Постановление по делу "Базоркина против России" [Bazorkina v. Russia], Европейский Суд согласился с тем, что при аналогичных обстоятельствах он ранее признавал несоблюдение требований статьи 38 Конвенции, но установил, что в настоящем деле неполный характер представленной информации не воспрепятствовал рассмотрению жалобы. Однако ранее (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Дедовский и другие против России" [Dedovskiy and Others v. Russia], § 108) непредставление властями государства-ответчика истребованного Европейским Судом документа, также не воспрепятствовало рассмотрению жалобы, тем не менее было признано несоблюдением требований статьи 38 Конвенции (прим.

переводчика).).

По жалобам о нарушении статьи 3 Конвенции

Вопрос о запрещении бесчеловечного обращения

По делу обжалуется безразличие властей по отношению к обоснованной обеспокоенности судьбой греков-киприотов, безвестно отсутствующих после турецких военных операций на севере Кипра в 1974 году. По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

Варнава и другие против Турции [Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 2 Конвенции.)

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

По делу обжалуется необеспечение адекватной защиты от домашнего насилия. По делу допущено нарушение требований статей 3 и 8 Конвенции.

E.S. и другие против Словакии [E.S. and Others v. Slovakia] (N 8227/04)

Постановление от 15 сентября 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

В марте 2001 г. первая заявительница оставила мужа и подала заявление о разводе. В следующем месяце она подала заявление о возбуждении уголовного дела против мужа, ссылаясь на то, что он подвергал жестокому обращению ее и детей (вторая, третья и четвертый заявителя) и применял сексуальное насилие к одной из ее дочерей. В мае 2001 г. она просила о применении предварительной меры в виде понуждения ее мужа к выезду из совместно арендуемой муниципальной квартиры. Однако районный суд отклонил это заявление на том основании, что не имеет полномочий для ограничения права использования имущества ее мужем. Заявители были вынуждены уехать из своего жилища, от семьи и друзей, и двое детей были вынуждены сменить школу. Решение районного суда было оставлено в силе после рассмотрения жалобы, так как региональный суд указал, что первая

заявительница имела право требовать прекращения совместной аренды после разрешения вопроса о разводе и, одновременно, просить обязать мужа "воздержаться от ненадлежащего поведения". Первая заявительница получила развод в мае 2002 г. и позднее была назначена опекуном троих детей. В июне 2003 г. муж был осужден за жестокое обращение, насилие и сексуальное насилие и приговорен к четырем годам лишения свободы. По жалобе заявителей в порядке конституционного производства на отсутствие надлежащей защиты Конституционный суд указал, что конституционные права первой заявительницы нарушены не были (поскольку она могла просить обязать мужа воздержаться от ненадлежащего поведения), но нижестоящие суды не приняли надлежащих мер для защиты детей. Он не присудил компенсации, так как счел, что установление факта нарушения является достаточной справедливой компенсацией. В июле 2003 г., после введения в действие нового законодательства в январе 2003 г., первая заявительница получила решение о выселении ее мужа из квартиры.

Вопросы права

По поводу соблюдения статей 3 и 8 Конвенции.

(а) Вопрос о приемлемости жалобы. Государство-ответчик утверждало, что, не прибегнув к обязанности мужа к воздержанию от ненадлежащего поведения, первая заявительница не исчерпала внутренние средства правовой защиты. Однако, по мнению Европейского Суда, такое требование не составляло бы эффективного средства правовой защиты. Муж обвинялся в физическом нападении и сексуальном насилии. Возложение на мужа обязанности воздерживаться от ненадлежащего поведения представляло бы только требование о воздержании от действий, которые и без того были запрещены уголовным законом, оказавшимся недостаточным сдерживающим средством в прошлом. Оно также обеспечивало значительно меньшую защиту, чем решение о выселении.

Европейский Суд также отклонил довод государства-ответчика о том, что дети получили достаточное возмещение благодаря решению Конституционного суда. Им не была присуждена финансовая компенсация. Не большее значение имеет довод государства-ответчика о том, что, не потребовав вынесения решения в надлежащей форме, первая заявительница частично несет ответственность за сложившуюся ситуацию, поскольку Конституционный суд установил, что нижестоящие суды должны были удовлетворить заявление о выселении по собственной инициативе с целью защиты детей. Ни осуждение мужа спустя более чем два года, ни последующее внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс не представляли собой достаточное возмещение трем несовершеннолетним детям, которые были вынуждены покинуть семейное жилище из-за длительной неспособности государства защитить их от негуманного родителя.

Постановление

Жалоба признана приемлемой (принято единогласно).

(b) Существо жалобы. С учетом характера и тяжести правонарушений первая заявительница и дети требовали безотлагательной защиты, а не год или два спустя. Первая заявительница не имела возможности прекратить аренду до окончательного разрешения вопроса о разводе в мае 2002 г. или потребовать вынесения решения о выселении бывшего мужа из супружеского жилища до внесения изменения в законодательство в январе 2003 г. В этот период она была лишена эффективной защиты ее и детей. Таким образом, государство-ответчик не исполнило свое позитивное обязательство по отношению к ним.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статей 3 и 8 Конвенции (принято единогласно).

Вопрос об эффективном расследовании

По делу обжалуется предполагаемый отказ от преследования министров правительства в связи с гибелью заключенных на пожаре. Жалоба признана неприемлемой.

Ван Мелле и другие против Нидерландов [Van Melle and Others v. Netherlands] (N 19221/08)

Решение от 29 сентября 2009 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

В октябре 2005 г. 11 иностранцев, содержащихся в изоляторе в ожидании высылки, погибли при пожаре. Техническая экспертиза дала заключение о том, что пожар вызвал один из заключенных, по неосторожности бросив непогашенный окурок в корзину для бумаг. Впоследствии прокурору регионального суда было направлено письмо с требованием о привлечении к ответственности министра юстиции и министра по делам иммиграции и интеграции. Однако преследование не было возбуждено, поскольку согласно национальному законодательству для преследования члена правительства требовались королевский декрет или решение нижней палаты парламента. Тем временем дело расследовал независимый орган, Следственный комитет по вопросам безопасности. В докладе, представленном в нижнюю палату парламента в сентябре 2006 г., он указал, что пожар вполне мог возникнуть от сигареты, и что техническая неисправность настолько маловероятна, что может быть исключена. Тем не менее он установил вину трех правительственных учреждений, включая Министерство юстиции (которое несло ответственность за технические условия и безопасность заключенных), но не Министерства по

делам иммиграции и интеграции. После публикации доклада, который содержал рекомендации трем министерствам, признанным виновными, два министра, включая министра юстиции, подали в отставку по мотивам политической ответственности. Заключенный, который был уличен в поджоге корзины для бумаг, был предан суду за поджог по грубой неосторожности и осужден решениями судов двух инстанций. Жалоба в Верховный суд продолжает рассматриваться.

Вопросы права

Жалобы поданы в общей сложности 42 заявителями (неправительственными организациями, выжившими и родственниками погибших* (* Гражданство заявителей, в том числе первого, в тексте решения не указано. Возможно, участие в деле лиц с голландскими фамилиями объясняется тем, что при пожаре пострадали не только иностранные заключенные, но и персонал изолятора (прим. переводчика).)) и связаны с отказом от преследования министра юстиции и министра по делам иммиграции и интеграции. Все жалобы за исключением двух заявителей были признаны неприемлемыми *ratione personae** (* *Ratione personae* (лат.) - "ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь", критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика).) или по причине несоблюдения шестимесячного срока.

Что касается жалоб оставшихся двух заявителей, являвшихся близкими родственниками, Европейский Суд отметил, что наличие достоверного утверждения об обращении, противоречащем статье 3 Конвенции (которое для настоящих целей принято Европейским Судом), не обязательно порождает обязательство преследования лиц, которых заявители считали бы целесообразным привлечь к ответственности. В целом, если нарушение права на жизнь или на физическую неприкосновенность не было допущено намеренно, вытекающее из статьи 3 Конвенции позитивное обязательство о создании эффективной судебной системы не обязательно требует применения уголовно-правового средства правовой защиты в каждом деле.

Кроме того, в деле заявителей независимый комитет расследовал и представил подробный, крайне критичный доклад, который Европейский Суд склонен считать достоверным, конкретно указывающий учреждения государства-ответчика, ответственные за необеспечение безопасности заключенных. В результате два министра подали в отставку по мотивам политической ответственности. Соответственно, насколько они касались членов правительства на министерском уровне, процессуальные требования статьи 3 Конвенции были соблюдены. Жалоба не дает оснований полагать, что министр юстиции - один из подавших в отставку в связи с данным делом - и министр по делам иммиграции и интеграции лично пренебрегли своими обязанностями в степени, требующей уголовного преследования.

Решение

Жалоба признана неприемлемой (жалоба признана явно необоснованной).

Вопрос о правомерности высылки

По делу обжалуется угроза жестокого обращения в случае высылки. Высылка составит нарушение требований статьи 3 Конвенции.

Абдолхани и Каримния против Турции [Abdolkhani and Karimnia v. Turkey] (N 30471/08)

Постановление от 22 сентября 2009 г. [вынесено II Секцией]

Обстоятельства дела

Заявители - иранские граждане и члены Организации моджахедов иранского народа (PMOI). В неустановленные даты они покинули Иран и проживали в лагере PMOI в Ираке, после чего решили покинуть PMOI и поселились в лагере беженцев, созданном войсками США в Ираке. Верховный комиссар ООН по делам беженцев (UNHCR) признал их беженцами и пришел к выводу о том, что их связи с PMOI и политические взгляды ставят их под угрозу произвольного лишения жизни или лишения свободы и жестокого обращения в Иране. Позднее они пытались въехать в Турцию. Первоначальная попытка завершилась их задержанием и возвращением в Ирак, причем они не имели возможности разъяснить свою ситуацию пограничникам, и, по-видимому, формальное решение об их высылке не принималось. Они повторно въехали в Турцию, но 21 июня 2008 г. были вновь задержаны и заключены под стражу. Хотя они сделали заявления жандармерии и суду, разъяснив, что в Иране их жизни может угрожать опасность, они были осуждены за незаконный въезд в Турцию с отсрочкой исполнения к пяти годам лишения свободы, и турецкие власти сделали попытку (безуспешную) выслать их в Иран 28 июня 2008 г., не уведомив их об этом решении или о причинах высылки. Через два дня Европейский Суд указал по делу заявителей на предварительную меру в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. В сентябре 2008 г. они были переведены в центр приема и размещения иностранцев.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. Что касается угрозы жестокого обращения в случае высылки в Иран, Европейский Суд принял к сведению доклады "Международной амнистии", "Хьюман райтс уотч" и службы переселения UNHCR о том, что члены PMOI в Иране подвергаются казням или умирают в тюрьмах при невыясненных обстоятельствах. В отличие от турецких властей UNHCR беседовал с заявителями, имел возможность проверить их опасения и достоверность их показаний и установил, что им угрожает произвольное лишение жизни, заключение под стражу и жестокое обращение в

стране их происхождения. Таким образом, имелись серьезные основания опасаться того, что бывшие или настоящие члены и сторонники РМОИ могут быть убиты и подвергнуты жестокому обращению в Иране, и что заявители связаны с этой организацией. Что касается угроз, существовавших в Ираке, он отметил, что высылка иранских граждан в эту страну осуществлялась турецкими властями в отсутствие надлежащей правовой процедуры. Кроме того, данные, поступающие в Европейский Суд из различных источников, указывают на высокую вероятность высылки лиц, заподозренных в связях с РМОИ, из Ирака в Иран.

Таким образом, существовала реальная угроза того, что в случае возвращения в Иран или Ирак заявители подвергнутся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. В этой связи тот факт, что члены РМОИ могут создать угрозу национальной безопасности, общественной безопасности и порядку в Турции, является несущественным с учетом абсолютного характера защиты, предусмотренной статьей 3 Конвенции. В любом случае заявители более не являются членами РМОИ и являются беженцами, признанными UNHCR.

Постановление

Высылка составит нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 13 Конвенции. Административные и судебные органы проявили полную пассивность в отношении представленных заявителями серьезных данных о жестоком обращении в случае возвращения в Ирак или Иран. Кроме того, оставив без рассмотрения ходатайства заявителей о временном убежище, не уведомив их о причинах отказа в рассмотрении их ходатайств и не обеспечив им возможность юридической помощи (несмотря на их просьбу о назначении адвоката) во время содержания под стражей в полиции, национальные власти воспрепятствовали заявителям в предъявлении требований в соответствии со статьей 3 Конвенции в рамках применимой законодательной базы. Более того, заявители даже не могли обратиться к властям по вопросу об отмене решения об их высылке, поскольку им не были вручены постановления о высылке или они не были уведомлены о причине их высылки. В любом случае судебное разбирательство в делах о высылке в Турции не могло считаться эффективным средством правовой защиты, поскольку заявление об отмене постановления о высылке не приостанавливает ее, если административный суд не даст указания о приостановлении. Таким образом, заявители не располагали эффективным и доступным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции. В отсутствие ясных

законодательных положений, предусматривающих процедуру заключения под стражу и продления срока последнего в целях высылки, и установления сроков такого заключения национальная система не защитила заявителей от произвольного содержания под стражей, которое, соответственно, не может считаться "законным".

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 2 статьи 5 Конвенции. Заявители были задержаны 21 июня 2008 г. и впоследствии содержались под стражей в полицейском изоляторе. 23 июня 2008 г. они были осуждены за незаконный въезд. Однако они не были освобождены и с тех пор содержались под стражей в отсутствие какого-либо уголовного обвинения, в порядке иммиграционного контроля. В отсутствие ответа государства-ответчика или материалов дела, свидетельствующих о том, что заявители были уведомлены об основаниях своего содержания под стражей после 23 июня 2008 г., Европейский Суд заключил, что национальные власти не довели до их сведения эти основания.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 4 статьи 5 Конвенции. С учетом выводов о том, что заявителям было отказано в юридической помощи, и они не были уведомлены о причинах своего содержания под стражей, право заявителей на обжалование своего заключения под стражу было лишено всякого полезного значения. Государство-ответчик не утверждало, что заявители имели доступ к процедуре, с помощью которой суд мог проверить законность их содержания под стражей. Таким образом, Европейский Суд заключил, что турецкая правовая система не обеспечила заявителям средство правовой защиты, с помощью которого они могли требовать судебной проверки их заключения под стражу.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить каждому заявителю 20 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

По жалобе о нарушении статьи 5 Конвенции

По жалобе о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции

Вопрос о праве на личную свободу

По делу обжалуется уклонение от проведения эффективного расследования доказуемых данных о том, что безвестно отсутствующие греки-киприоты могли быть заключены под стражу в период турецких военных операций на севере Кипра в 1974 году. По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

Варнава и другие против Турции [Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 2 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 6 Конвенции

По жалобам о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции (гражданско-правовой аспект)

Вопрос о соблюдении права на доступ к правосудию

Вопрос о соблюдении права на справедливое судебное разбирательство дела

Вопрос о соблюдении права на доступ к правосудию заключенного отделения строгого режима тюрьмы для защиты прав гражданского характера. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Энеа против Италии [Enea v. Italy] (N 74912/01)

Постановление от 17 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

Заявитель был приговорен к 30 годам лишения свободы за ряд преступлений, включая участие в преступной организации мафиозного типа. В августе 1994 г., с учетом опасности, которую представлял заявитель, министр юстиции издал приказ о переводе его на строгий тюремный режим, предусмотренный пунктом 2 статьи 41 bis закона об управлении тюрьмами и применяемый по основаниям общественного порядка и безопасности, сроком на один год. Приказом были установлены различные ограничения на предоставление свиданий, деятельность, а также контроль переписки заявителя. Применение строго режима было продлено до конца 2005 года 19 приказами, каждый из которых действовал ограниченный срок. Заявитель подал несколько жалоб в суд, которому были подсудны вопросы исполнения наказаний, и отдельные ограничения были сняты. Одна из жалоб была признана неприемлемой на том основании, что срок действия данного приказа истек, и заявитель лишился интереса в рассмотрении этого вопроса. Суд впоследствии распорядился о прекращении действия строго режима, и в марте 2005 г. заявитель был помещен в блок усиленного надзора, где отдельные особо опасные преступники содержались обособленно от других заключенных. Само по себе решение о переводе заключенного в блок усиленного надзора не подлежит обжалованию. Заявитель имел ряд проблем со здоровьем и пользовался инвалидной коляской. С июня 2000 г. по февраль 2005 г. он отбывал наказание в отделении тюремной больницы, отведенном для заключенных строгого режима. В октябре 2008 г. суд, рассматривающий вопросы исполнения наказаний, распорядился о приостановлении исполнения наказания заявителя по медицинским мотивам. С этого времени он содержится под домашним арестом.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. Ограничения, установленные в соответствии со строгим тюремным режимом, являлись необходимыми для воспрепятствования поддержания контактов заявителя, представлявшего угрозу для общества, с преступной организацией, к которой он принадлежал. Однако суды, рассматривавшие вопросы исполнения наказаний, отменили или смягчили действие ряда таких ограничений. Кроме того, национальные власти исполнили свою обязанность защитить физическое благополучие заявителя путем тщательного контроля состояния его здоровья, обеспечения ему надлежащей медицинской помощи и госпитализации в случае необходимости. Соответственно, обращение, которому он подвергся, не вышло за рамки неизбежного уровня страданий, присущего содержанию под стражей.

Постановление

По делу требования статьи 3 Конвенции нарушены не были (вынесено 15 голосами "за" и двумя - "против").

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(а) Ограничения права на доступ к суду в период применения строгого

тюремного режима. Заключение, переведенные на строгий тюремный режим, имеют 10 дней, которые исчисляются с даты вручения им министерского приказа, на подачу жалобы в суд, рассматривающий вопросы исполнения наказаний, не приостанавливающей действия решения. Последний, в свою очередь, должен вынести решение в течение 10 дней; этот срок установлен с учетом серьезного воздействия строгого режима на права заключенных и того факта, что оспариваемое решение сохраняет силу только в ограниченный период. Суд отклонил одну из жалоб заявителя более чем через четыре месяца после ее подачи на том основании, что оспариваемый приказ утратил силу. Таким образом, в отсутствие решения по существу, судебная проверка данного приказа лишилась всякого значения.

Постановление

В данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

(b) Ограничения права на доступ к суду в период содержания в блоке усиленного надзора.

(i) Вопрос о приемлемости жалобы. Пункт 1 статьи 6 Конвенции не применим в его уголовно-правовом аспекте, поскольку разбирательство в отношении тюремной системы в принципе не относится к определению "уголовного обвинения". С другой стороны, вопрос о доступе к суду, имеющему юрисдикцию для рассмотрения вопроса о переводе в блок усиленного надзора и сопровождающих его ограничениях, подлежит рассмотрению с точки зрения гражданско-правового аспекта пункта 1 статьи 6 Конвенции. Большинство ограничений, которым предположительно подвергся заявитель, относятся к набору прав заключенных, признанных Советом Европы посредством Европейских тюремных правил, содержащихся в рекомендации Комитета министров. Хотя эта рекомендация не имеет обязательной силы для государств-участников, их подавляющее большинство признает, что заключенные пользуются большинством упоминаемых в ней прав, и предусматривает средства обжалования мер, ограничивающих эти права. Соответственно, можно обоснованно утверждать, что в настоящем деле имеется спор о праве. Кроме того, некоторые ограничения, на которые ссылался заявитель, такие как ограничения контактов с семьей и вмешательство в его имущественные права, очевидно относятся к сфере личных прав и являются гражданско-правовыми по своей природе. Существенное значение для государств имеет сохранение широких пределов усмотрения в обеспечении безопасности и порядка в проблемном контексте тюрем. Тем не менее, любое ограничение, затрагивающее данные гражданские права, должно подлежать проверке в судебном порядке, с учетом характера ограничений и их возможных последствий. Такими средствами может быть достигнуто справедливое равновесие между проблемами, с которыми сталкивается государство в тюремном контексте, с одной стороны, и защитой прав заключенных, с другой стороны. Соответственно, настоящая жалоба совместима *ratione materiae** (* *Ratione materiae* (лат.) - "ввиду обстоятельств, связанных с

предметом рассмотрения", критерий существа обращения, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика.) с положениями Конвенции, поскольку затрагивает статью 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте.

Постановление

Жалоба признана приемлемой (вынесено 16 голосами "за" и одним - "против").

(ii) Существо жалобы. Хотя заключенный действительно не мог обжаловать по существу решение о своем переводе в блок усиленного режима как таковое, любое ограничение гражданских прав (затрагивающее, например, свидания заключенного с семьей или его переписку) может быть обжаловано в суды, рассматривающие вопросы исполнения наказаний. Поскольку в настоящем деле перевод заявителя в этот блок не повлек никаких ограничений такого рода, даже возможное отсутствие такого средства правовой защиты не может рассматриваться как отказ в доступе к суду.

Постановление

В данном вопросе по делу требования статьи 6 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции.

(a) Период с августа 1994 г. по июль 2004 г. имелось вмешательство публичного органа в осуществление заявителем права на уважение корреспонденции. Контроль корреспонденции заявителя с августа 1994 г. по июль 2004 г. не соответствовал закону, поскольку законодательство, примененное в настоящем деле, не регулировало длительности такой меры или оправдывающих ее оснований и не указывало с достаточной ясностью пределы и способ использования компетентными органами своих дискреционных полномочий. Европейский Суд не усматривает причин для отхода в настоящем деле от существующей прецедентной практики, обеспечивающей всем заключенным минимальной степени защиты, которой пользуются граждане в соответствии с верховенством права в демократическом обществе.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

(b) Последующий период. Что касается периода с июля 2004 г. до приостановления исполнения наказания заявителя, Европейский Суд ограничился указанием на то, что в материалах дела отсутствуют документы, подкрепляющие утверждения заявителя.

Постановление

По делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Установление факта нарушения является достаточной справедливой компенсацией причиненного морального вреда.

Вопрос о соблюдении права на доступ к правосудию

По делу обжалуется государственный иммунитет в гражданском деле о пытке. Жалобы коммуницированы властям государства-ответчика.

Джонс против Соединенного Королевства [Jones v. United Kingdom] (N 34356/06)

[IV Секция]

Митчелл и другие против Соединенного Королевства [Mitchell and Others v. United Kingdom] (N 40528/06)

[IV Секция]

Заявители утверждают, что подверглись пытке в тюрьме королевства Саудовской Аравии. Первый заявитель (Джонс) впоследствии возбудил гражданское разбирательство против королевства, саудовского министерства внутренних дел и конкретного должностного лица. Три других заявителя возбудили разбирательство против четырех лиц: двух полицейских, заместителя начальника тюрьмы и саудовского министра внутренних дел. Высокий суд установил, что все ответчики пользуются иммунитетом в соответствии с Законом о государственном иммунитете 1978 года, и отказал заявителям в извещении ответчиков за пределами своей юрисдикции. Рассмотрев жалобу, Апелляционный суд указал на различие между иммунитетом *ratione personae* (который применяется к государству, действующему главе государства и дипломатам) и иммунитетом *ratione materiae* (который применяется к обычным должностным лицам, бывшим главам государства и бывшим дипломатам). Он оставил в силе решение Высокого суда в отношении королевства и министерства, но удовлетворил жалобу заявителей в отношении ответчиков - физических лиц. Вопрос был передан в Палату лордов, которая согласилась с мнением Высокого суда о том, что все ответчики имели право на иммунитет, даже если им вменялась в вину пытка. Заявители жалуются на нарушение права доступа к правосудию.

Жалобы коммуницированы властям государства-ответчика в отношении

пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Вопрос о соблюдении права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом

По делу обжалуется решение апелляционного суда не прекращать разбирательства после отстранения одного из судей по основаниям объективной беспристрастности. По делу требования статьи 6 Конвенции нарушены не были.

Компания "Проседо капитал корпорейшн" против Норвегии [Procedo Capital Corporation v. Norway] (N 3338/05)

Постановление от 24 сентября 2009 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

При рассмотрении жалобы в разбирательстве спора между компанией-заявителем и брокером по поводу сделок с ценными бумагами суд провинции предложил сторонам назвать имена двух финансовых экспертов для участия в деле в качестве заседателей. Брокер предложил назначить А., партнера крупной бухгалтерской фирмы; компания-заявитель не представила возражений в установленный законом срок. Соответственно, суд начал рассмотрение жалобы в составе трех профессиональных судей и двух экспертов, включая А. Через несколько дней, сразу после того, как адвокат компании-заявителя выступил со вступительной речью, А. уведомил стороны, что его фирма выполняла поручение материнской компании брокера в связи с листингом на бирже. Суд провинции отстранил А. от участия в деле, но отклонил ходатайство компании-заявителя о прекращении дела* (* Суд первой инстанции обязал компанию-заявителя выплатить брокеру крупную сумму. Впоследствии его решение было оставлено без изменения (прим. переводчика).), установив, что отстранение А. не лишает других судей права участия в деле. В Европейском Суде компания-заявитель жаловалась на то, что суд провинции не был беспристрастным.

Вопросы права

В деле отсутствуют данные о личной пристрастности А., однако имелись законные, хотя и не особенно прочные основания ставить под сомнение его объективную беспристрастность, с учетом его положения партнера консалтинговой фирмы, которая обеспечивала аудиторские и бухгалтерские услуги материнской компании одной из сторон разбирательства.

Однако суд провинции единогласно поддержал требование компании-заявителя об отводе А., его участие в деле было ограничено сравнительно ранней стадией слушания и прекратилось на ней. Европейский

Суд не убежден, что суд провинции в составе, образовавшемся после отвода А., не удовлетворял требованию беспристрастности. Предположение о том, что А. мог оказывать влияние на решение суда провинции о выделении в отдельное производство встречного иска компании-заявителя, неубедительно, поскольку это решение было принято в отсутствие А. и по сути поддержало собственную позицию компании-заявителя по данному вопросу. Любые опасения по поводу возможности оказания А. влияния на других членов суда в процессе неформального обмена мнениями с ними были адекватно оценены в единогласном решении о его отводе и единогласном решении о том, что его отстранение не влечет дисквалификации остальных судей. После отвода А. суд провинции рассматривал доводы сторон еще 11 дней и совещался в течение двух дней до принятия решения. Таким образом, нельзя утверждать, что А. прямо или косвенно участвовал в разрешении спора. Характер и небольшая продолжительность его участия в разбирательстве не могли вызвать у компании-заявителя законные сомнения относительно беспристрастности суда провинции в целом. Соответственно, суд провинции не был обязан прекращать разбирательство и рассматривать дело в ином составе.

Постановление

По делу требования статьи 6 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По жалобам о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции (уголовно-правовой аспект)

Вопрос о соблюдении права на справедливое судебное разбирательство дела

По делу обжалуется изменение законодательства, лишившее заявителя преимущества, которое обусловило выбор упрощенной процедуры разбирательства. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Скоппола против Италии (N 2) [Scoppola v. Italy] (N 2) (N 10249/03)

Постановление от 17 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. [ниже](#) изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 7 Конвенции.)

Вопрос о соблюдении права на справедливое судебное разбирательство дела

Вопрос о соблюдении права на защиту через посредство назначенного защитника

По делу обжалуется прекращение рассмотрения жалобы имевшего защитника заявителя в связи с отсутствием последнего на одном заседании суда. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Кари-Пекка Пиетилäinen против Финляндии [Kari-Pekka Pietilainen v. Finland] (N 13566/06)

Постановление от 22 сентября 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель был осужден за мошенничество при отягчающих обстоятельствах и приговорен к 20 месяцам тюрьмы условно. При рассмотрении жалобы он был уведомлен о необходимости посещать устные слушания в определенные даты. В повестке указывалось, что он обязан являться лично во все дни заседаний под страхом штрафа, и что в случае отсутствия на слушании без уважительной причины рассмотрение его жалобы может быть прекращено. Заявитель не присутствовал в первый день слушания, однако был представлен адвокатом. В связи с отсутствием заявителя апелляционный суд прекратил производство по жалобе. Заявитель впоследствии уведомил апелляционный суд о том, что отсутствовал по болезни и представил медицинскую справку. Однако апелляционный суд отклонил его ходатайство о возобновлении разбирательства, поскольку медицинская справка была выдана после даты слушания, и, в любом случае, его болезнь не препятствовала его явке. Верховный суд отклонил ходатайство о разрешении на обжалование.

Вопросы права

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Апелляционный суд был обязан разрешить адвокату заявителя представлять его интересы, даже в его отсутствие. Хотя пределы рассмотрения в этот день не совсем ясны, по-видимому, оно не затрагивало вопросы, для которых личное присутствие заявителя было строго обязательно, поскольку свидетели допрашивались позже. В повестке также не указывалось, что даже один день отсутствия будет рассматриваться как отсутствие на всем слушании. Таким образом, прекращение рассмотрения жалобы представляло собой особо жесткую и суровую санкцию, которая не может считаться оправданной.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 2 500 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

По жалобам о нарушении подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на защиту через посредство назначенного защитника

По делу обжалуется отсутствие личного контакта накануне рассмотрения кассационной жалобы с адвокатом по назначению, который должен был выступать по делу заявителя на основе доводов, выдвинутых другим адвокатом. Дело передано на рассмотрение Большой Палаты.

Сахновский против России [Sakhnovskiy v. Russia] (N 21272/03)

Постановление от 5 февраля 2009 г. [вынесено I Секцией]

В 2001 году заявитель был осужден за убийство и приговорен к лишению свободы. В 2002 году Верховный Суд отклонил его жалобу. В 2007 году Президиум Верховного Суда удовлетворил надзорное представление, отменил определение суда кассационной инстанции и направил дело на новое рассмотрение. В новом рассмотрении кассационной жалобы заявитель участвовал посредством видеосвязи, находясь в изоляторе, поскольку Верховный Суд отклонил его ходатайство о личном участии в заседании. До начала заседания ему представили вновь назначенного адвоката, которая присутствовала в зале судебного заседания, и им было предоставлено 15 минут для конфиденциальной беседы с помощью видеосвязи. Заявитель попытался отказаться от защитника на том основании, что он никогда не встречался с ней лично. Верховный Суд отклонил его возражение против помощи адвоката как необоснованное, отметив, что заявитель не просил о замене защитника или о разрешении привлечь адвоката за счет своих средств. В определении по процессуальным вопросам Верховный Суд отказал в принятии новой кассационной жалобы заявителя и указал на необходимость рассмотрения жалобы, поданной бывшим защитником заявителя перед первоначальным заседанием суда кассационной инстанции в 2002 году. В тот же день Верховный Суд рассмотрел жалобу по существу и оставил без изменения определение 2001 года.

В Постановлении от 5 февраля 2009 г. Палата единогласно установила, что по делу допущено нарушение требований пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, поскольку срок, в который была назначена адвокат А., делал трудным, если вообще возможным, согласование с заявителем линии защиты, которой она должна была следовать во время судебного разбирательства. Отсутствие личного контакта с заявителем на заседании и отсутствие какого-либо предварительного обсуждения в сочетании с тем фактом, что она должна была выступать в суде на основании положений кассационной жалобы, поданной за пять лет до этого другим адвокатом, свели присутствие защитника на слушании в суде кассационной инстанции до простой формальности. Неудовлетворенность заявителя способом оказания ему юридической помощи была доведена до сведения Верховного Суда. При таких обстоятельствах Палата сочла, что мотивы, приведенные заявителем в отказе от услуг данного защитника, были законными и обоснованными. Соответственно, его поведение не освобождало власти от обязанности принять дополнительные меры для обеспечения эффективности его защиты.

14 сентября 2009 г. дело было передано на рассмотрение Большой Палаты по ходатайству государства-ответчика.

Вопрос о соблюдении права на защиту через посредство назначенного защитника

По делу обжалуется использование в качестве доказательства признания, полученного в милицейском изоляторе в отсутствие защитника. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Пищальников против России [Pishchalnikov v. Russia] (N 7025/04)

Постановление от 24 сентября 2009 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

В декабре 1998 г. заявитель был задержан по подозрению в грабеже при отягчающих обстоятельствах. Он был допрошен - в день задержания и на следующий день - в отсутствие защитника, хотя он указал имя адвоката, которого хотел бы привлечь. Во время допросов заявитель признался в причастности к деятельности преступной группы, которая включала убийство, похищение людей, ограбление и незаконное владение оружием. На последующих допросах в январе - августе 1999 г. заявитель отказался от юридической помощи. Ему был назначен адвокат. На допросе в присутствии адвоката он отказался от показаний, данных следственным органам после задержания, и продолжал отрицать их соответствие действительности на суде и при рассмотрении жалобы на приговор. В 2002 году он был осужден за различные преступления, включая убийство при отягчающих обстоятельствах,

пытку, похищение людей, кражу и грабеж. Он подал жалобу в Верховный Суд, который частично изменил приговор и приговорил его к 20 годам лишения свободы. Заявитель не был представлен адвокатом во время рассмотрения кассационной жалобы. Показания заявителя, данные после задержания, были положены в основу приговора, тогда как все последующие показания, данные в отсутствие юридической помощи, были исключены из числа доказательств, поскольку было установлено, что присутствие защитника на допросе было обязательным, и что отказ заявителя от юридической помощи не мог быть принят.

Вопросы права

Заявитель достаточно ясно выразил свое намерение привлечь адвоката, что обязывало следственные органы обеспечить ему использование юридической помощи, если отсутствовали причины, оправдывающие отказ в доступе к ней. Даже если предположить, что данный адвокат не мог быть привлечен, не имеется данных о том, что заявитель был уведомлен о предположительно безуспешных попытках следователя связаться с ним. Государство-ответчик не утверждало, что заявителю было рекомендовано найти другого адвоката или что ему была предложена помощь адвоката по назначению. Необеспечение заявителю доступа к юридической помощи не получило объяснений. Государство-ответчик также не утверждало, что отсутствие доступа к услугам адвоката соответствовало национальному законодательству. По мнению Европейского Суда, если обвиняемый ссылается на свое право получения юридической помощи, отказ от этого права не может быть установлен на том лишь основании, что он давал показания на дальнейшем допросе, инициированном милицией, даже после того, как ему были разъяснены его права. Кроме того, Европейский Суд полагает, что обвиняемый, находящийся в положении заявителя по настоящему делу, который выразил желание участвовать в расследовании только в присутствии адвоката, не должен подвергаться дальнейшему допросу со стороны властей, пока защитник не приступит к исполнению своих обязанностей, пока обвиняемый сам не изъявит желание дать показания полиции или прокуратуре, что не применимо к настоящему делу. Кроме того, нельзя исключать, что заявитель, ранее не сталкивавшийся с милицией, не понял, что требовалось для прекращения допроса. В отсутствие юридической помощи он не мог правильно оценить последствия своего решения о признании для исхода разбирательства. Таким образом, Европейский Суд установил, что показания заявителя, данные без консультаций с защитником, не свидетельствовали об отказе от права на юридическую помощь. Что касается его последующих отказов от юридической помощи, хотя не имеется данных о том, что они не были добровольными и сознательными, трудно представить, что для совершения чисто формальных процессуальных следственных действий заявитель пользовался услугами назначенного ему защитника, тогда как он отказывался от юридической помощи, когда ему предлагалось отвечать на вопросы следователей. В отсутствие юридической помощи заявитель не мог полностью и сознательно осуществлять

свои права. Кроме того, его и без того сложная ситуация дополнялась тем фактом, что его окружали сотрудники милиции и прокуратуры, являвшиеся специалистами по уголовному процессу и хорошо владевшие различными, часто агрессивными психологическими методиками, облегчавшими или даже ускорявшими получение информации от обвиняемого. Учитывая беспокойное и эмоциональное состояние заявителя после интенсивных допросов, Европейский Суд не находит удивительным, что на следующий день после своих признаний он повторил свои показания, тоже в отсутствие юридической помощи. Хотя показания заявителя при задержании не были единственными доказательствами, на которых основывалось признание его виновным, они, тем не менее, имели решающее значение. В итоге необеспечение юридической помощи заявителю на начальной стадии допроса в милиции невосполнимо повлияло на его право на защиту и причинило ущерб признакам справедливого судебного разбирательства и принципу равенства сторон. Характер ущерба, который он претерпел, был таков, что ни эффективная помощь, оказанная ему впоследствии адвокатом, ни состязательная судебная процедура не могли устранить недостатков, имевших место при содержании в милиции.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 5 500 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

(См. также Постановление Большой Палаты от 27 ноября 2008 г. по делу "Салдуз против Турции" [Salduz v. Turkey], жалоба N 36391/02, "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" N 113* (* "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] N 113 соответствует "Бюллетеню Европейского Суда по правам человека" N 3/2009.).)

По жалобе о нарушении статьи 7 Конвенции

По жалобе о нарушении пункта 1 статьи 7 Конвенции

Вопрос о соблюдении принципа наказания исключительно на основании закона

Статья 7 Конвенции подразумевает придание обратной силы более

мягкому уголовному закону. По делу допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции.

**Скоппола против Италии (N 2)
[Scoppola v. Italy] (N 2) (N 10249/03)**

Постановление от 17 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

В 1999 году заявитель убил жену и ранил одного из своих детей. После расследования прокуратура предполагала предать его суду по обвинениям в убийстве, покушении на убийство, жестоком обращении с семьей и незаконном хранении огнестрельного оружия. В момент совершения данных преступлений они влекли пожизненное лишение свободы с изоляцией в дневное время. На предварительном слушании судья удовлетворил его ходатайство о рассмотрении дела по упрощенной процедуре, что могло повлечь смягчение приговора в случае осуждения. Согласно действовавшей в то время редакции пункта 2 статьи 442 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) эта процедура означала, что, если при обычных условиях он был бы осужден к пожизненному заключению, то в данном случае он мог бы получить 30 лет лишения свободы. В соответствии с этим правилом судья по предварительному слушанию* (* В Италии существует разделение функций между различными судьями на разных стадиях уголовного процесса. На стадии предварительного следствия вопросы, связанные с ограничением прав обвиняемого, в том числе санкционирование ареста, решаются судьей по предварительному следствию (*giudice per le indagini preliminari*, или GIP), другой судья, который именуется судьей по предварительному слушанию (*giudice dell'udienza preliminare*, или GUP), участвует в рассмотрении вопросов о достаточности доказательств для назначения главного судебного разбирательства, в противном случае он выносит решение о невозможности продолжать уголовное судопроизводство, которое имеет силу оправдательного приговора (прим. переводчика.) признал заявителя виновным по предъявленным ему обвинениям, отметив, что ему могло быть назначено пожизненное лишение свободы, однако с учетом того, что заявитель ходатайствовал об упрощенной процедуре, он был приговорен к 30 годам лишения свободы. Прокуратура при Апелляционном суде подала кассационную жалобу на решение судьи по предварительному слушанию, ссылаясь на то, что он должен был применить статью 7 законодательного декрета* (* Конституция допускает издание наряду с законами-актами, принимаемыми непосредственно парламентом, и актов правительства, имеющих силу законов. "Законодательные декреты" издаются правительством в порядке делегированного законодательства, когда парламентом предварительно устанавливается круг вопросов, подлежащих регулированию, и принципы их решения (прим. переводчика.) N 341 от 24 ноября 2000 г., вступившую в силу в день его осуждения. Прокуратура, в частности, указывала,

что упомянутая статья 7 внесла изменения в статью 442 УПК и на тот момент предусматривала, что в случае рассмотрения дела по упрощенной процедуре пожизненное лишение свободы с изоляцией в дневное время при наличии "совокупности преступлений" или "длющегося преступления" заменяется пожизненным лишением свободы. В 2002 году Апелляционный суд присяжных* (* Дела о наиболее серьезных уголовных преступлениях входят в компетенцию судов присяжных. Жалобы на приговоры этих судов рассматриваются апелляционными судами присяжных, которые создаются по одному или по два в каждом из судебных округов апелляционных судов (прим. переводчика).) приговорил заявителя к пожизненному лишению свободы, указав, во-первых, что новое процессуальное правило применимо ко всем делам, находящимся на рассмотрении, и, во-вторых, что заявитель был вправе отозвать свое ходатайство об упрощенной процедуре и требовать рассмотрения его дела в обычном порядке. В 2003 году кассационный суд отклонил жалобу заявителя.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 7 Конвенции.

(а) Толкование статьи 7 Конвенции в прецедентной практике Европейского Суда. В своем Решении от 6 марта 1978 г. по делу "X против Германии" [X v. Germany] (жалоба N 7900/77) Европейская комиссия по правам человека выразила мнение о том, что, в отличие от последней части пункта 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах* (* Вероятно, комиссия имела в виду два последних предложения пункта 1 статьи 15: "Равным образом, не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника". Пункт 1 статьи 7 Конвенция устанавливает буквально: "Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления" (прим. переводчика).), статья 7 Конвенции не гарантирует права на более мягкое наказание, установленное законом, введенным в действие после совершения преступления. Повторяя этот вывод, Европейский Суд напоминает, что статья 7 Конвенции не предусматривает права преступника на применение более благоприятного для него уголовного закона. Однако после 1978 года в Европе и остальном мире постепенно сформировался консенсус относительно того, что применение уголовного закона, предусматривающего более мягкое наказание, даже если он введен в действие после совершения преступления, стало фундаментальным принципом уголовного права. Придя к этому выводу, Европейский Суд сослался на Американскую конвенцию по правам человека, Хартию Европейского союза об основных правах, прецедентную практику Суда правосудия Европейских

сообществ, устав Международного уголовного суда и прецедентную практику Международного уголовного трибунала по делам бывшей Югославии. Также существенно, что законодательство государства-ответчика признало данный принцип с 1930 года. По мнению Европейского Суда, ожидание того, что суд назначит за любое наказуемое деяние наказание, которое законодатель находит соразмерным, согласуется с принципом верховенства права, немаловажную часть которого составляет статья 7 Конвенции. Назначение более сурового наказания только на том основании, что оно предусматривалось в момент совершения преступления, означало бы применение в ущерб подсудимому правил, регулирующих действие уголовного закона во времени. Кроме того, это означало бы пренебрежение любыми изменениями законодательства, благоприятными для обвиняемого, которые могли вступить в силу до осуждения, и продолжение применения наказаний, которые государство - и сообщество, им представляемое, - в настоящее время находит избыточными. Европейский Суд отметил, что обязательство избирать между несколькими уголовными законами тот, чьи положения наиболее благоприятны для обвиняемого, является уточнением правил применения уголовного закона во времени, который согласуется с другим существенным элементом статьи 7 Конвенции, а именно предсказуемости наказаний. Европейский Суд, соответственно, пришел к выводу о необходимости отступления от прецедентной практики, выработанной комиссией в деле "Х против Германии", и подтвердил, что пункт 1 статьи 7 Конвенции гарантирует не только принцип отсутствия обратной силы у более строгого уголовного закона, но и подразумевает придание обратной силы более мягкому уголовному закону. Этот принцип воплощен в положении о том, что при наличии различий между уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления, и последующим уголовным законом, введенным в действие до вынесения окончательного приговора, суды обязаны применять закон, положения которого более благоприятны для подсудимого.

(b) Содержала ли статья 442 УПК материально-правовые положения уголовного закона. Статья 442 входила в состав УПК, положения которого в основном регулируют процедуру преследования преступников и суда над ними. Однако пункт 2 статьи 442 полностью относился к длительности наказания, подлежавшего назначению после судебного разбирательства, проводившегося в соответствии с упрощенной процедурой. Кроме того, нет сомнения в том, что наказания, упоминаемые в пункте 2 статьи 442 УПК, применялись при осуждении за совершение преступления, что они рассматривались в национальном законодательстве как "уголовные", и их цель являлась как сдерживающей, так и карательной. Кроме того, они представляли "наказание" за действия, в совершении которых подсудимый обвинялся, а не меры, относящиеся к "исполнению" этого наказания. Европейский Суд, таким образом, сделал вывод о том, что пункт 2 статьи 442 УПК являлся материально-правовым положением уголовного закона, затрагивающим длительность наказания, которое назначалось после судебного разбирательства в соответствии с упрощенной процедурой. Таким образом, он относился к сфере действия последнего предложения пункта 1 статьи 7 Конвенции.

(c) Воспользовался ли заявитель преимуществами более мягкого

уголовного закона. Изменения статьи 442 УПК, предусматривающие, что в случае осуждения в соответствии с упрощенной процедурой "пожизненное лишение свободы [подлежит] замене 30 годами лишения свободы", представляли собой позднейшее положение уголовного закона, предписывающее более мягкую меру наказания. Статья 7 Конвенции в толковании Большой Палаты, таким образом, требовала предоставления заявителю связанных с ним преимуществ, что и случилось, когда судья по предварительному слушанию приговорил заявителя к 30 годам лишения свободы. Однако применение пункта 2 статьи 442 в пользу обвиняемого было отменено Римским апелляционным судом и Кассационным судом. При этом новая редакция статьи 442 УПК не содержала никакой двусмысленности; она ясно указывала, что пожизненное лишение свободы подлежит замене лишением свободы на 30 лет. Соответственно, заявителю было назначено более тяжкое наказание, чем то, что было предписано законом, более благоприятным для него, и государство-ответчик, таким образом, не исполнило обязанность обеспечения заявителю возможности использования преимуществ положения, предписывающего более мягкое наказание, которое вступило в силу после совершения преступления* (* В тексте Постановления приводится обзор национального законодательства, позволяющий лучше понять суть спора. Ранее упрощенная процедура регулировалась статьями 438 и 441-443 УПК, и при наличии соответствующего ходатайства срок наказания подсудимому при ее применении уменьшался на одну треть. При этом обвиняемые в совершении преступлений, каравшихся пожизненным лишением свободы, не могли требовать применения этой процедуры. В 1991 г. местный Конституционный суд указал, что правом на упрощенную процедуру наделены все подсудимые. 16 декабря 1999 г. закон N 479 внес в ст. 442 УПК изменение о том, что пожизненное лишение свободы в рамках упрощенной процедуры заменяется на 30 лет лишения свободы. Таким образом, законодательный декрет N 341 от 24 ноября 2000 г., вступивший в силу в ту же дату и позднее подтвержденный законом от 19 января 2001 г., ухудшил положение подсудимых, поскольку истолковал пожизненное лишение свободы как "пожизненное лишение свободы без изоляции в дневное время" и, в частности, при наличии совокупности преступлений предписал заменять "пожизненное лишение свободы с изоляцией в дневное время" на "пожизненное лишение свободы". Поскольку подсудимый был вправе отказаться от упрощенной процедуры, по-видимому, предполагалось, что действие декрета распространяется и на подавших ходатайство о применении такой процедуры ранее (прим. переводчика).).

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции (вынесено 11 голосами "за" и шестью - "против").

По поводу соблюдения статьи 6 Конвенции. Заявитель жаловался на то, что, несмотря на ходатайство об упрощенной процедуре, он был лишен важнейшего преимущества, вытекающего из его выбора в соответствии с законом, действовавшим в момент подачи ходатайства, а именно замены

пожизненного лишения свободы 30-летним сроком заключения. Упрощенная процедура, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Италии, которая обеспечивала неоспоримые преимущества для подсудимого, тем не менее, влекла также уменьшение основных процессуальных гарантий. Ходатайствуя о применении упрощенной процедуры, заявитель - который пользовался услугами привлеченного им адвоката, и, таким образом, мог удостовериться в том, каковы будут последствия этого ходатайства - должен был недвусмысленно отказаться от права на публичное разбирательство дела, на вызов свидетелей, на представление новых доказательств и на допрос свидетелей обвинения. Таким образом, он мог обоснованно полагать, что благодаря сделанному им процессуальному выбору, максимальное наказание, которое ему грозило, не превысит лишения свободы на срок в 30 лет. Но данное законное ожидание со стороны заявителя было прекращено законодательным декретом N 341 2000 года, который предусматривал, что, если судья находит, что соответствующим наказанием являлось бы пожизненное лишение свободы с изоляцией в дневное время, должно быть назначено наказание в виде лишения свободы без изоляции. Это изменение правил назначения наказаний применялось, однако, не только в отношении подсудимых, подававших ходатайство о рассмотрении дела в соответствии с упрощенной процедурой, но также к лицам, которые, как и заявитель, уже подали такое ходатайство и были преданы суду до публикации законодательного декрета N 341 в "Официальной газете". Способность государства к уменьшению в одностороннем порядке преимуществ, сопровождающих отказ от определенных прав, присущих концепции справедливого судебного разбирательства, противоречила бы принципу правовой определенности и защите законного доверия участвующих в судебном разбирательстве лиц. В настоящем деле применение положений законодательного декрета N 341 после окончания разбирательства в суде первой инстанции лишило заявителя существенного преимущества, гарантированного законом и побудившего его сделать выбор в пользу предания суду в соответствии с упрощенной процедурой. Остается установить, могло ли право заявителя на отзыв своего ходатайства о применении упрощенной процедуры устранить ущерб, который он претерпел. Европейский Суд отметил, что, если бы заявитель отозвал свое ходатайство о применении упрощенной процедуры, он не мог бы принудить государство соблюдать ранее заключенное соглашение. Было бы чрезмерным требование об отказе подсудимого от возможности упрощенной процедуры, допущенной властями, которое привело в первой инстанции к извлечению преимуществ, на которые он рассчитывал, а именно к уменьшению его наказания до 30 лет лишения свободы. Кроме того, это законное ожидание было прекращено факторами, находившимися вне пределов его контроля, такими как длительность национального разбирательства и принятие законодательного декрета N 341 2000 года.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

В порядке применения статьи 46 Конвенции. С учетом особых обстоятельств дела и неотложной необходимости прекращения нарушений статей 6 и 7 Конвенции Европейский Суд пришел к выводу о том, что государство-ответчик обязано обеспечить замену назначенного заявителю пожизненного лишения свободы наказанием, согласующимся с принципами, изложенными в настоящем Постановлении, а именно наказания, не превышающего 30 лет лишения свободы.

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 10 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

По жалобам о нарушении статьи 8 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на уважение личной жизни

Вопрос о соблюдении права на уважение жилища

По делу обжалуются предполагаемые помехи, вызванные открытием кабинета стоматологической хирургии в жилом многоквартирном доме. Жалоба признана неприемлемой.

Галев и другие против Болгарии [Galev and Others v. Bulgaria] (N 18324/04)

Решение от 29 сентября 2009 г. [вынесено V Секцией]

Обстоятельства дела

Заявители проживали в четырехэтажном многоквартирном доме. После того, как соседка начала работы по переоборудованию своей квартиры на втором этаже в кабинет стоматологической хирургии, они возражали на том основании, что для этого требуется их согласие. Однако после длительного обжалования их возражение было отклонено Высшим административным судом в связи с тем, что выданное разрешение на строительство может быть признано недействительным только по определенным ограниченным основаниям, которые не применимы в настоящем деле. В своей жалобе в Европейский Суд заявители, в частности, указывали на то, что шум, запах и угроза для здоровья, связанные со стоматологической хирургией, затрагивали их права, предусмотренные статьей 8 Конвенции.

Вопросы права

Первый вопрос заключается в том, достигали ли предполагаемые помехи минимального уровня, представляющего вмешательство в права заявителей на уважение их личной жизни и жилища. Оценка этого минимума является относительной и зависит от всех обстоятельств: интенсивности и продолжительности помех, их физических или нравственных последствий, общего контекста и значимости обжалуемого ущерба в сравнении с экологическими угрозами, присущими жизни в любом современном городе. Нельзя предположить, что шум, связанный с хирургической стоматологией - от медицинского оборудования или от движения пациентов - превышает обычный уровень шума в многоквартирном доме современного города. В этом отношении дело заявителей отличается от дел, касающихся постоянного или ночного шума. Любой шум должен был ограничиваться рабочим временем и едва ли достигал значительного уровня. В материалах дела отсутствуют замеры шума или аналогичные материалы, свидетельствующие о том, что уровень шума превышал приемлемый уровень. Нет оснований полагать также, что запахи, исходившие из хирургического кабинета, превышали приемлемый уровень. Не имеется данных о том, что заявители были ненадлежащим образом затронуты шумом или запахами, или что поток пациентов создавал в здании угрозу здоровью. Наконец, отсутствовало национальное разбирательство по ключевому вопросу (наличия шума) в деле заявителей, что не было вызвано отсутствием необходимых средств правовой защиты в национальном законодательстве. Отсутствие процедуры установления фактов на национальном уровне и доказательств того, что деятельность кабинета стоматологической хирургии составляла ненадлежащее вмешательство в права заявителей на уважение личной жизни и жилища, не позволяет Европейскому Суду заключить, что предполагаемые помехи достигли минимального уровня серьезности.

Решение

Жалоба признана неприемлемой (жалоба признана явно необоснованной).

Вопрос о соблюдении права на уважение личной и семейной жизни

По делу обжалуется отказ в разрешении на получение препарата, позволяющего тяжелобольному покончить с собой. Жалоба коммуницирована властям государства-ответчика.

Кох против Германии
[Koch v. Germany] (N 497/09)

[V Секция]

Жена заявителя, которая была почти полностью парализована и нуждалась в искусственной вентиляции легких и постоянном уходе и помощи после несчастного случая в 2002 году, хотела покончить с собой. Заявитель просил Федеральный институт наркотических средств и медицинского оборудования разрешить ей получение смертельной дозы препарата, чтобы она могла покончить с собой дома. В этом было отказано на том основании, что препараты могли предоставляться лишь для целей поддержания жизни или облегчения страданий, а не для того, чтобы помочь лицу покончить с жизнью. Жена заявителя впоследствии покончила с собой в Швейцарии с помощью организации "Дигнитас", оказывающей содействие в совершении самоубийства. Обращение заявителя за декларацией о том, что Федеральный институт действовал незаконно, отказывая в разрешении, было отклонено национальными судами. Административный апелляционный суд* (* Возможно, имеется в виду высший административный суд. Такие высшие административные суды действуют, как правило, по одному во всех землях, в их компетенцию входит рассмотрение апелляционных, а при некоторых условиях и кассационных жалоб на решения и определения административных судов, а также, в исключительных случаях, наиболее важных дел по первой инстанции (прим. переводчика).) счел, в частности, что право на защиту брака и семейной жизни на основании пункта 1 статьи 6 Основного закона и пункта 1 статьи 8 Конвенции не предусматривает права на прекращение брака супругов путем самоубийства одного из них, и что решения Федерального института не являлись вмешательством в право на уважение личной жизни, поскольку, даже если право на смерть существовало, его в высшей степени личный характер означал, что на него не могли ссылаться третьи лица. Федеральный конституционный суд впоследствии признал жалобу заявителя в порядке конституционного производства неприемлемой, поскольку он не мог сослаться на посмертное право своей жены на человеческое достоинство.

Заявитель жалуется в Европейский Суд на основании статьи 8 Конвенции на то, что отказ Федерального института его жене в разрешении на получение смертельной дозы препаратов представлял собой вмешательство в ее право на уважение личной и семейной жизни, в частности, в ее право на достойную смерть и в его собственное право на уважение личной и семейной жизни, поскольку он был вынужден ехать в Швейцарию, чтобы дать возможность жене покончить с собой. Кроме того, он жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на то, что немецкие суды нарушили его право на эффективное средство правовой защиты, отрицая его право обжаловать отказ Федерального института предоставить его жене требуемое разрешение.

Жалоба коммуницирована властям государства-ответчика в отношении статей 8 и 13 Конвенции.

Вопрос о соблюдении права на уважение семейной жизни

По делу обжалуется отказ судов в разрешении женщине, состоявшей в браке, заключенном по религиозному обряду, пользоваться правами по

социальному страхованию и пенсионными правами умершего мужа, отца ее ребенка. Дело передано на рассмотрение Большой Палаты.

**Шерифе Йиит против Турции
[Cerife Yigit v. Turkey] (N 3976/05)**

Постановление от 20 января 2009 г. [вынесено II Секцией]

Заявительница по настоящему делу обжаловала отказ судов в разрешении пользоваться правами по социальному страхованию и пенсионными правами ее умершего партнера, с которым она состояла в браке, заключенном по религиозному обряду, поскольку национальное законодательство признавало лишь зарегистрированные браки. В Постановлении от 20 января 2009 г. Палата Европейского Суда установила четырьмя голосами "за" и тремя - "против", что по делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были, поскольку различное обращение в отношении пар, состоящих в браке, и пар, не состоящих в браке, в части прав пережившего супруга было нацелено на защиту традиционной семьи, основанной на узах брака, и, таким образом, являлось законным и оправданным. В соответствии с турецким законодательством брак, заключенный по религиозному обряду имамом, не влечет обязательств перед третьими лицами или государством. Таким образом, решение Турции предоставлять защиту лишь зарегистрированным бракам не было необоснованным. 14 сентября 2009 г. дело было передано в Большую Палату по ходатайству заявительницы (см. иные подробности дела в "Информационном бюллетене по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" N 115* (* "Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] N 115 соответствует "Бюллетеню Европейского Суда по правам человека" N 5/2009.)).

Вопрос о соблюдении права на уважение семейной жизни

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

По делу обжалуется недостаточность усилий властей для обеспечения возвращения ребенка, похищенного матерью. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

**Стохляк против Польши
[Stochlak v. Poland] (N 38273/02)**

Постановление от 22 сентября 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель, его жена и их дочь проживали в Канаде. В 1996 году в конце каникул, проведенных в Польше, мать, гражданка Польши, решила остаться там с дочерью. Начиная с января 1997 г. заявитель возбудил ряд разбирательств, одно из которых завершилось в октябре* (* В § 17 Постановления указано, что 13 октября 1998 г. заявитель обратился в суд, который вынес решение, как и указано ниже, 2 декабря того же года (прим. переводчика).) 1998 г. окончательным решением, предусматривающим возвращение ребенка. Однако он воссоединился с дочерью лишь в апреле 2003 г.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции. Разбирательства, касающиеся предоставления опеки над ребенком, включая исполнение решения, вынесенного в их результате, требовали безотлагательности, поскольку истечение времени могло иметь необратимые последствия для отношений между родителем и его или ее ребенком. В настоящем деле в январе 1997 г., когда заявитель обратился в Министерство юстиции относительно похищения, было ясно, что мать забрала ребенка незаконно. Тем не менее между первым решением районного суда и окончательным кассационным решением, предусматривающим возвращение ребенка отцу, прошли год и семь месяцев. Кроме того, в рамках исполнительного производства по гражданскому делу в течение трех лет после решения от декабря 1998 г., обязывающего жену заявителя вернуть ребенка в трехнедельный срок, власти не пытались обязать ее исполнить это решение. Лишь в январе 2003 г. была организована встреча для обеспечения эффективного сотрудничества между различными органами государства, ответственными за действия по возвращению ребенка. Наконец, власти дважды обнаруживали мать, не преуспев при этом в возвращении ребенка. Компетентные власти должны были применить надлежащие санкции в связи с отказом матери от сотрудничества, который был причиной многих возникающих сложностей. Хотя против нее три раза в течение семи лет возбуждалось уголовное дело, оно ни разу не завершилось каким-либо наказанием, поскольку рассматриваемое действие не являлось преступлением согласно национальному законодательству либо власти считали, что оно являлось малозначительным. В рамках исполнительного производства по гражданскому делу не применялись какие-либо меры принуждения. С учетом вышеизложенного, несмотря на свободу усмотрения, которой государство-ответчик наделено в данном вопросе, польские власти не предприняли адекватные и эффективные попытки для принудительного исполнения права заявителя на возвращение ребенка и, таким образом, нарушили его право на уважение семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 7 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

По жалобе о нарушении статьи 9 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на свободу исповедовать религию или убеждения

По делу обжалуется вмешательство государства в конфликт между членами религиозной общины. По делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции

Миролубов и другие против Латвии [Mirolubovs and Others v. Latvia] (N 798/05)

Постановление от 15 сентября 2009 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

В период, относящийся к обстоятельствам дела, три заявителя были активными членами религиозной общины, к которой они принадлежали. Первый заявитель был старообрядческим "духовным руководителем"* (* В религиозной прессе именуется "старшим наставником" (прим. переводчика).), двое других являлись, соответственно, главой и членом совета Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины (далее - РГСО). РГСО - крупнейшая из 69 латвийских старообрядческих общин. В 1995 году принятие нового устава общины, который Министерство юстиции признало законным, повлекло раскол между общинниками и насильственные инциденты. В 2001 году Управление по делам религий (далее - управление) выдало РГСО новое свидетельство о регистрации, а в мае 2002 г. оно утвердило новый устав, принятый РГСО, который устанавливал полную независимость от других религиозных организаций. В июле 2002 г. состоялось внеочередное общее собрание РГСО. Одновременно с этим собранием, проводившимся в рижском храме, в котором принимали участие заявители, состоялось другое собрание, в котором приняли участие иные старообрядческие духовные руководители. Каждая из двух соперничающих групп утверждала, что созванное ею собрание является законным собранием общины. На другом собрании было принято решение об избрании новых членов и изменении устава РГСО на том основании, что первый

заявитель и его приверженцы, пригласив для богослужения в церкви РГСО священника русской православной церкви, отказались от своих старообрядческих взглядов и тем самым лишили себя прав членов общины. Обе фракции обратились в управление за формальным одобрением. Последнее признало законным другое собрание, формально одобрив его и зарегистрировав новый общинный совет РГСО. Заявители и их приверженцы были силой изгнаны из храма и в дальнейшем туда не допускались. С этого момента они действовали неформально под наименованием "РГСО в изгнании". В 2003 году суд первой инстанции удовлетворил требование заявителей об отмене решений управления. Управление обжаловало это решение, и региональный суд удовлетворил его жалобу. Кассационная жалоба заявителей была отклонена сенатом Верховного суда.

Вопросы права

В порядке применения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Предполагаемое злоупотребление правом обращения в Европейский Суд. В 2008 году премьер-министру были направлены два письма* (* Письма были подписаны неким Ф., не входившим в число заявителей (прим. переводчика).), в которых ставились под вопрос профессиональная компетентность и честность начальника управления, занимавшего должность в период событий, обжалуемых заявителями. Письма содержали ссылку на переписку между Секретариатом Европейского Суда, заявителями и представителем государства-ответчика по вопросу о возможном заключении мирового соглашения по настоящему делу. Кроме того, к этим письмам прилагались три копии документов - конфиденциальных для целей пункта 2 статьи 38 Конвенции и пункта 2 правила 62 Регламента Суда - исходивших от государства-ответчика и Секретариата, включая проект декларации о мировом соглашении, подготовленный последним. Однако, хотя факт сообщения третьему лицу содержания документов, относящихся к заключению мирового соглашения, в принципе может составлять "злоупотребление" в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции, это не означает полного и безусловного запрета на ознакомление с такими документами любого другого лица или на упоминание их в беседе с ним. Пункт 2 статьи 38 Конвенции и пункт 2 правила 62 Регламента Суда запрещают сторонам публиковать указанную информацию в средствах массовой информации, в переписке, с которой может ознакомиться большое число лиц, или любым иным способом. В настоящем деле заявители утверждали, что не знают, как указанные документы попали в руки третьего лица. Со своей стороны, государство-ответчик не представило доказательств вины заявителей. При таких обстоятельствах, поскольку отсутствуют доказательства того, что все заявители дали согласие на раскрытие содержания конфиденциальных документов третьему лицу, Европейский Суд вынужден толковать сомнения в их пользу и не может установить, что заявители допустили злоупотребление правом обращения в Европейский Суд для целей пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отметил, что возможные планы государства-ответчика о возбуждении уголовного или дисциплинарного разбирательства в отношении

заявителя в связи с предполагаемым несоблюдением процессуальных обязательств перед Европейским Судом могут вызвать вопросы с точки зрения последней части статьи 34 Конвенции, запрещающей воспрепятствование эффективному осуществлению права на обращение в Европейский Суд.

Постановление

Возражение отклонено (большинством голосов).

По поводу соблюдения статьи 9 Конвенции. Вмешательство властей в спор членов РГСО, в результате которого заявители и их единоверцы перестали признаваться законными руководителями общины и были изгнаны из их храма, очевидно представляло собой вмешательство в осуществление права заявителей на свободу исповедовать религию. Вмешательство преследовало, по крайней мере, законные цели "охраны общественного порядка, здоровья или нравственности и "защиты прав и свобод других лиц". В период, относящийся к обстоятельствам дела, РГСО являлась полностью независимой, что было признано государством. В июле 2002 г. одновременно были проведены два собрания старообрядцев сопоставимой численности, каждое из которых считало себя "внеочередным общим собранием РГСО". В качестве государственного органа, ответственного за поддержание связей между государством и религиозными общинами в соответствии с действующим законодательством, управление должно было сделать выбор и принять решение в пользу одной из фракций в ущерб другой, поскольку они выдвигали одинаковые требования. В настоящем деле Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, был ли выбор сделан в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 9 Конвенции. После этих событий управление признало законность собрания, проведенного на улице, отменило свидетельство о регистрации, выданное РГСО в период, когда его возглавлял первый заявитель, и выдало новое свидетельство представителям соперничающей фракции. Иными словами, государство аннулировало признание органов, законно образованных РГСО в соответствии с ее уставом, и дало согласие на их полную замену органами, созданными соперничающей фракцией. С учетом принципа законного доверия, присущего всем положениям Конвенции, и принципа структурной автономии религиозных общин, вытекающего из требований статьи 9 Конвенции, только наиболее серьезные и непреодолимые основания могут оправдать такое вмешательство.

Европейский Суд отметил крайне поверхностный характер принятого управлением решения о признании законности собрания, проведенного на улице. Решение ограничилось указанием на то, что оно было принято "с учетом мнения правового отдела", - без раскрытия содержания этого мнения - и "с учетом того, что полученные документы соответствовали законодательству Республики Латвии". Эти основания не могут считаться достаточными. Аналогичным образом, решение об утверждении и регистрации нового общинного совета РГСО ограничилось вопросом о выдаче свидетельства о регистрации РГСО. Однако письменные объяснения, направленные управлением в суд первой инстанции, которые приобщены к материалам дела, более подробно раскрывают мотивы оспариваемых решений. Согласно этим

объяснениям организацией богослужения с участием священника русской православной церкви единоверцы первого заявителя тем самым изменили религиозной лояльности, отказавшись от своих прав в данной общине; в результате, несмотря на внешние признаки, общее собрание, организованное первым заявителем, утратило кворум, требуемый уставом общины. Управление основало эти выводы на двух экспертных заключениях, включая заключение декана богословского факультета Латвийского университета, мотивы которых не были приведены. Фактически определив религиозную принадлежность заявителей и их единоверцев против их воли, вопреки их мнению и, кроме того, на основании заключений всего двух экспертов, ни один из которых не разделял их религиозных взглядов, управление не исполнило своей обязанности сохранения нейтралитета. Определение религиозной принадлежности религиозной общины относилось к компетенции ее высших духовных органов, а не государства. Кроме того, управление пришло к своему заключению, несмотря на письмо священного синода русской православной церкви, в котором ясно указывалось, что в настоящем деле не отмечено случаев перехода в православие. При таких обстоятельствах управление не основало свое решение на "приемлемой оценке соответствующих фактов", как того требует пункт 2 статьи 9 Конвенции. В итоге вмешательство управления в спор между двумя группами прихожан РГСО было основано на решении, не имевшем достаточных оснований, не приняло во внимание всех имеющих значение обстоятельств и пренебрегло обязанностью государства по сохранению нейтралитета в религиозных вопросах. Вследствие этого вмешательства заявители были изгнаны из своего храма и не имели возможности возвратиться. Такое вмешательство не могло считаться "необходимым в демократическом обществе" независимо от преследуемой цели.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции (вынесено шестью голосами "за" и одним - "против").

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить каждому заявителю 4 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.

По жалобам о нарушении статьи 10 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на свободу выражения мнения

По делу обжалуется изъятие полицией материала, что могло привести к раскрытию журналистских источников. Дело передано в Большую Палату.

**Компания "Саномэ айтгеверс Б.В." против Нидерландов
[Sanoma Uitgevers B.V. v. Netherlands] (N 38224/03)**

Постановление от 31 марта 2009 г. [вынесено III Секцией]

Журналисты автомобильного журнала, издаваемого компанией-заявителем, получили от организаторов незаконных дорожных гонок разрешение на фотографирование при условии, что они не будут раскрывать личности участников. Однако компания-заявитель впоследствии была вынуждена передать фотографии прокуратуре, осуществлявшей розыск автомобиля, который использовался при посягательствах на банкоматы, после того, как следственный судья постановил, что интересы расследования перевешивали журналистские привилегии компании. В жалобе в Европейский Суд компания-заявитель ссылаясь на нарушение своего права на свободу выражения мнения.

В Постановлении от 31 марта 2009 г. Палата Европейского Суда установила четырьмя голосами "за" и тремя - "против", что требования статьи 10 Конвенции по делу допущены не были. Она отметила, что расследуемые преступления являлись тяжкими, поскольку были связаны с применением огнестрельного оружия, что информация, которой владели журналисты, была значимой и могла привести к установлению преступников, и что отсутствовали разумные альтернативные способы установления транспортного средства, которым пользовались подозреваемые. Представляется, что информация использовалась лишь для установления и преследования преступников. Соответственно, при особых обстоятельствах дела основания для вмешательства в право компании-заявителя на свободу выражения мнения были относимыми, достаточными и соразмерными преследуемым законным целям.

Дело передано в Большую Палату по ходатайству компании-заявителя (дополнительные подробности см. в "Информационном бюллетене по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека" N 117).

Вопрос о соблюдении права на свободу выражения мнения

По делу обжалуются недостаточные законодательные гарантии независимости общественного вещателя. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

**Маноле и другие против Молдавии
[Manole and Others v. Moldova] (N 13936/02)**

Постановление от 17 сентября 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявители были работниками государственной компании "Телерадио-Молдова" (TRM), которая в период, относящийся к обстоятельствам дела, управляла единственными в Молдавии общественными телеканалом и радиостанцией. Заявители утверждают, что на протяжении всего существования TRM ее деятельность подвергалась политическому контролю. Ситуация ухудшилась после февраля 2001 г., когда Коммунистическая партия получила подавляющее большинство в парламенте. В частности, руководители высшего звена были уволены и заменены лицами, лояльными к правительству. Лишь доверенная группа журналистов готовила репортажи политического характера, которые редактировались, чтобы представить правящую партию в выгодном свете. Журналистам объявляли выговоры за использование выражений, негативно характеризующих советский период или предполагавших культурные и языковые связи с Румынией. Интервью сокращались, и программы исключались из эфира по тем же причинам. Оппозиционные партии имели крайне ограниченные возможности для выражения своего мнения. Журналисты, нарушающие данную политику, подвергались дисциплинарным мерам и даже допрашивались полицией. В первой половине 2002 года, после забастовки сотрудников TRM, которые требовали покончить с цензурой, двое заявителей были подвергнуты дисциплинарным санкциям.

В апреле 2002 г. молдавский Координационный совет по аудиовизуальным средствам массовой информации опубликовал свое заключение по поводу предполагаемой цензуры в отношении TRM. Он нашел, что определенные высказывания и темы были действительно запрещены в репортажах TRM, но отклонил другие утверждения о цензуре как оправдания, использованные журналистами, чтобы скрыть недостаток профессионализма.

В июле 2002 г., после реорганизации TRM в публичную компанию, ее персонал был обязан пройти аттестацию для сохранения своих должностей. Четверо заявителей вместе с большим числом журналистов, которые ранее в этом году участвовали в забастовке, не были приняты на работу. Их жалобы были отклонены. 19 сотрудникам, которые посетили пресс-конференцию, проведенную по результатам увольнений, был запрещен доступ в помещения TRM. Изменение статуса TRM последовало за резолюцией Парламентской ассамблеи Совета Европы, призывающей Молдавию реформировать свою систему вещания и положить конец телевизионной цензуре. Хотя для оценки проекта закона был назначен независимый эксперт, его рекомендации не были приняты во внимание, и его положения по-прежнему допускали множество форм прямого политического вмешательства.

В своих жалобах в Европейский Суд заявители утверждали, что, работая журналистами на ТМС* (* Так в оригинале. В полном тексте Постановления данная аббревиатура не встречается (прим. переводчика).), они подвергались цензуре со стороны государства.

Вопросы права

Если государство принимает решение о создании системы общественного

вещания, национальное законодательство и практика должны гарантировать, что система обеспечивает соблюдение принципа плюрализма. Особенно в ситуации, когда частные станции еще слишком слабы, чтобы представлять настоящую альтернативу, и публичная или государственная организация является, таким образом, единственным или доминирующим вещателем в стране или регионе, для надлежащего функционирования демократии необходимо, чтобы она передавала беспристрастные, независимые и уравновешенные новости, информацию и комментарии и обеспечивала площадку для общественной дискуссии, в которой выражается как можно более широкий спектр взглядов и мнений. Стандарты в сфере общественного вещания, согласованные государствами-участниками в рамках Комитета министров Совета Европы, предусматривают руководство в этой сфере. Государства-участники приняли на себя обязательство гарантировать независимость общественных вещателей от политического и экономического вмешательства. Руководящие принципы Совета министров указывают, что независимость может быть гарантирована посредством ясного утверждения в правовых основах работы вещателя редакционной независимости и институциональной самостоятельности, в частности, что касается редактирования и представления новостей и программ о текущих событиях и подбора, приема и управления персоналом. Новостные программы должны представлять факты и события объективно и способствовать свободному формированию мнений, в то время как случаи, в которых общественные вещатели могут быть обязаны транслировать официальную информацию или события, должны быть ограничены исключительными установленными законом обстоятельствами. Правила, регулирующие статус и назначение руководства и наблюдательных органов, должны быть сформулированы так, чтобы исключать любую угрозу политического или иного вмешательства.

Для целей дела заявителей Европейский Суд рассмотрел период с февраля 2001 г., когда, как утверждают заявители, обострилась проблема политического контроля редакционной политики, до 26 сентября 2006 г., даты решения Европейского Суда по вопросу приемлемости жалобы. Он отметил, что TRM преимущественно освещала деятельность президента и правительства, не обеспечивая достаточного доступа оппозиционным партиям. Также имелись доказательства политики ограничения дискуссии или упоминания определенных тем, которые считались политически чувствительными или были во вред государству-ответчику. Например, Совет по аудиовизуальным средствам массовой информации сообщил, что политикой TRM являлось запрещение определенных слов и фраз, в частности, имеющих отношение к общей культуре и языку Молдавии и Румынии и нарушениям прав человека в советскую эпоху, и независимые данные демонстрировали постоянную несоразмерность доли эфирного времени, посвящаемого деятельности президента и правительства. Заявители, таким образом, подвергались продолжительному вмешательству в право на свободу выражения мнения в течение всего рассматриваемого периода.

Далее, поскольку в течение большей части периода TRM пользовалась, по сути, монополией на аудиовизуальное вещание в Молдавии, с точки зрения

демократической перспективы было крайне важно, чтобы она передавала точные и уравновешенные новости и информацию, отражающие весь спектр политических взглядов и обсуждений. Решив создать систему общественного вещания, государство имеет серьезное позитивное обязательство гарантировать плюралистическое аудиовизуальное обслуживание путем принятия правовой основы для обеспечения независимости TRM от политического вмешательства и контроля. Однако этого не было сделано в течение рассматриваемого периода, когда одна партия контролировала парламент, пост президента и правительство. Так, хотя устав TRM был изменен для обеспечения защиты законом ее творческой и редакционной деятельности от вмешательства, приемлемая структура не была учреждена. В Совет по аудиовизуальным средствам массовой информации, который действовал как надзорный орган, входили члены, назначенные парламентом, президентом и правительством без гарантий от увольнения. Руководство TRM назначалось парламентом по предложению Совета по аудиовизуальным средствам массовой информации. Даже после замены правления советом наблюдателей отсутствовали гарантии того, что 14 из 15 его членов не будут назначены из лиц, лояльных к правящей партии.

В итоге правовая основа была полностью некорректной, поскольку не обеспечивала достаточных гарантий против контроля высших руководителей TRM и, соответственно, ее редакционной политики, политическим органом государства-ответчика. Что касается предварительного возражения государства-ответчика о том, что заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты, Европейский Суд полагает, что примеры политической предвзятости и ограничений на сообщение информации, которые им установлены, достаточны для подтверждения вывода о том, что имелась модель или система использования TRM для продвижения политики правящей партии, представляющая собой административную практику. Заявители были, таким образом, освобождены от требования исчерпания внутренних средств правовой защиты. В любом случае он не убежден, что заявители имели доступ к эффективному внутреннему средству правовой защиты в отношении основной части их жалобы.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статей 41 и 46 Конвенции. Государство-ответчик обязано принять меры общего характера, включая законодательную реформу, для обеспечения соответствия правовых норм требованиям статьи 10 Конвенции. Вопрос о справедливой компенсации не готов к разрешению.

По жалобе о нарушении статьи 13 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на эффективное средство правовой защиты

По делу обжалуется отсутствие эффективного средства правовой защиты против высылки. По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

Абдолхани и Каримниа против Турции [Abdolkhani and Karimnia v. Turkey] (N 30471/08)

Постановление от 22 сентября 2009 г. [вынесено II Секцией]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 3 Конвенции.)

В порядке применения статьи 35 Конвенции

В порядке применения пункта 1 статьи 35 Конвенции

Вопрос о соблюдении правила шестимесячного срока в целях подачи жалобы в Европейский Суд

Жалоба по делу об исчезновении подана более чем через шесть месяцев после признания государством-ответчиком права обращения в Европейский Суд. Предварительное возражение отклонено.

Варнава и другие против Турции [Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 2 Конвенции.)

В порядке применения пункта 2 статьи 35 Конвенции

В порядке применения подпункта "а" пункта 2 статьи 35 Конвенции

Вопрос о недопустимости рассмотрения анонимной жалобы

В жалобе в Европейский Суд не раскрыта личность заявителя. Жалоба признана неприемлемой.

**"Блондые" против Нидерландов
["Blondje" v. Netherlands] (N 7245/09)**

Решение от 15 сентября 2009 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель был задержан по подозрению в совершении различных преступлений. Он отказался назвать себя и был заключен под стражу в общей сложности на семь дней для установления его личности. Его жалобы на лишение свободы были отклонены. Заявитель впоследствии подал жалобу в Европейский Суд в соответствии со статьями 5, 6 и 14 Конвенции.

Вопросы права

Заявитель не раскрыл своей личности. Ни один документ не содержит упоминания его имени. Он упоминался только как "Blondje alias NN cel 07 alias Nn.PI09.m.20081101.1100", а доверенность была подписана буквой "X". Поскольку материалы дела не содержали элементов, позволявших Европейскому Суду установить личность заявителя, его жалоба должна считаться анонимной.

Решение

Жалоба признана неприемлемой (анонимная жалоба).

В порядке применения подпункта "b" пункта 2 статьи 35 Конвенции

Вопрос о недопустимости рассмотрения жалобы, аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом

Юрисдикция Европейского Суда в случае, если ранее рассматривались аналогичные факты по межгосударственному делу. Предварительное возражение отклонено.

**Варнава и другие против Турции
[Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)**

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 2 Конвенции.)

В порядке применения пункта 3 статьи 35 Конвенции

Вопрос о наличии у Европейского Суда компетенции *ratione temporis**

(* *Ratione temporis* (лат.) - "ввиду обстоятельств, связанных с временем", критерий времени, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика).)

Временная юрисдикция Европейского Суда в отношении исчезновений, которые имели место примерно за 13 лет до того, как государство-ответчик признало право обращения в Европейский Суд. Предварительное возражение отклонено.

Варнава и другие против Турции [Varnava and Others v. Turkey] (N 16064/90 и другие)

Постановление от 18 сентября 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 2 Конвенции.)

Вопрос о злоупотреблении правом подачи жалобы

На государство-ответчика возлагается бремя доказывания умышленного нарушения конфиденциальности, составляющего злоупотребление правом. Жалоба признана приемлемой.

Миролубов и другие против Латвии [Mirolubovs and Others v. Latvia] (N 798/05)

Постановление от 15 сентября 2009 г. [вынесено III Секцией]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 9 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции

Вопрос о наличии имущества для целей статьи 1 Протокола N 1 к

Конвенции

Вопрос о правомерности лишения имущества

По делу обжалуется отмена спустя несколько месяцев назначенной по ошибке пенсии, составлявшей единственный источник доходов заявительницы. По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Москаль против Польши [Moskal v. Poland] (N 10373/05)

Постановление от 15 сентября 2009 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

В августе 2001 г. заявительница подала в орган социального обеспечения заявление о досрочном назначении ей пенсии для ухода за сыном, который страдал астмой, аллергией и рецидивирующими инфекциями и нуждался в постоянном уходе. Ее заявление было удовлетворено, но орган социального обеспечения приостановил выплату пенсии, поскольку на дату принятия решения заявительница продолжала работать. После этого заявительница уволилась с работы на условиях полной занятости, где она проработала последние 30 лет. Впоследствии ей было выдано пенсионное удостоверение с отметкой о бессрочной действительности, и в течение 10 месяцев, начиная с сентября 2001 г., она получала досрочно назначенную пенсию без перерыва. В июне 2002 г. отдел по социальному обеспечению отменил решение 2001 года и отказал ей в назначении пенсии на том основании, что она не имела права на этот вид обеспечения, поскольку состояние здоровья ребенка не было столь серьезным, чтобы требовать постоянного ухода матери. Выплата пенсии была прекращена с 1 июля 2002 г. Заявительница не была обязана возвращать уже полученные выплаты. Заявительница безуспешно обжаловала это решение в судах. С 1 июля 2002 г. по 25 октября 2005 г. она не получала никаких социальных пособий и утверждала, что не имела иного дохода. После другого разбирательства по социальному обеспечению 25 октября 2005 г. районное управление труда назначило ей другое пособие, составлявшее примерно 50% от отмененной пенсии, с 25 октября 2002 г., но без процентов.

Вопросы права

Заявительница обратилась за досрочным назначением пенсии добросовестно и в соответствии с применимым законодательством. После того, как власти подтвердили ее право на выплату, она обоснованно полагала, что решение было правильным, и организовала свою жизнь соответственно. Она не могла предполагать, что ее право на пенсию признано по ошибке. Решение

2001 года создало для заявительницы исполнимое право на получение пенсии в конкретной сумме. Она могла считаться имеющей материальный интерес, защищаемый статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции. Решение 2002 года, лишившее ее права на получение пенсии, составляло вмешательство в ее право на уважение имущества. Вмешательство было законным и преследовало законную цель исправления ошибки властей и сохранения общественных средств, не рассчитанных на неограниченное во времени субсидирование недостойных получателей системы социального обеспечения. Что касается пропорциональности, решение 2001 года сохраняло силу 10 месяцев и, несомненно, затрагивало заявительницу и ее семью. Однако когда ошибка обнаружилась, решение о прекращении выплаты пенсии было принято сравнительно быстро и немедленно вступило в силу. Тот факт, что заявительнице не было предложено вернуть пенсию, выплаченную по ошибке, не устраняет в значительной степени последствий этого решения. Ее право на пенсию было установлено судами лишь два года спустя, и в течение этого срока она не получала никакого пособия. В контексте имущественных прав особое значение должно придаваться принципу "благого управления"* (* Термин, по-видимому, заимствован в программе развития ООН 1997 года, в которой пропагандируется демократичное и эффективное управление (прим. переводчика).). Желательно, чтобы органы власти действовали с максимальной скрупулезностью, особенно рассматривая вопросы, имеющие жизненную значимость для лиц, такие как вопросы социальных пособий. В настоящем деле, обнаружив ошибку, власти не исполнили обязанность действовать своевременно, надлежащим и последовательным образом. В качестве общего принципа органы власти не лишены права исправления ошибок, особенно вызванных их неосторожностью. Иное противоречило бы принципу недопустимости неосновательного обогащения. Это было бы также несправедливо по отношению к другим участникам системы социального страхования, особенно к тем, кому отказано в пособии в связи с отсутствием законных оснований для их назначения. Наконец, это представляло бы решение о ненадлежащем распределении ограниченных общественных средств, что само по себе противоречило бы публичному интересу. Однако если за ошибку несут ответственность сами власти в отсутствие вины третьего лица при определении того, являлось ли бремя, возложенное на получателя, чрезмерным, должен применяться иной подход к вопросу о пропорциональности. Вследствие оспариваемой меры заявительница практически на следующий день столкнулась с полной утратой своей досрочно назначенной пенсии, которая составляла единственный источник ее дохода. Кроме того, существовал значительный риск затруднений при новом трудоустройстве. Только через три года она получила новое пособие (составлявшее примерно 50% от прежнего размера пенсии). Таким образом, не было установлено справедливое равновесие между требованиями общего интереса и требованиями защиты фундаментальных прав лица, и бремя, возложенное на заявительницу, было чрезмерным.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции (вынесено четырьмя голосами "за" и тремя - "против").

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявительнице 15 000 евро в счет компенсации причиненного материального ущерба и морального вреда.

Вопрос о правомерности лишения имущества

По делу обжалуется компенсация за экспроприацию, полностью поглощенная судебными издержками. По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Пердигану против Португалии [Perdigao v. Portugal] (жалоба N 24768/06)

Постановление от 4 августа 2009 г. [вынесено II Секцией]

Обстоятельства дела

Заявители требовали более 20 000 000 евро в счет компенсации прибыли, которую они предположительно могли получить в результате эксплуатации карьера на земле, которая ранее принадлежала им, но затем была экспроприирована. Апелляционный суд отклонил их требование, сочтя, что потенциальные прибыли от карьера не должны приниматься во внимание, и присудил компенсацию в размере около 197 000 евро. Однако судебные издержки, которые заявители были обязаны уплатить как проигравшая сторона разбирательства, превысили сумму компенсации. В результате сумма, присужденная в качестве компенсации, была в конечном счете возвращена государству, и заявители были обязаны уплатить еще 15 000 евро.

Вопросы права

По поводу соблюдения статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции. Недостаточность компенсации, обжалуемая заявителями, была результатом применения правил, касающихся судебных издержек, которые являлись сборами в значении второго абзаца статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции и составляли один из случаев вмешательства в право на уважение собственности. Европейский Суд решил рассмотреть обжалуемую ситуацию в свете общего правила. Заявители не оспаривали законность экспроприации как таковой или законность правил, касающихся судебных издержек, которые были применены в их отношении. Также отсутствовали основания для предположения

о том, что вмешательство было произвольным, поскольку заявители могли, например, представлять свои доводы национальным судам. Однако, в отличие от государства-ответчика, Европейский Суд полагает, что заявителям не могло ставиться в вину стремление отстаивать свою позицию в суде первой инстанции, используя процессуальные средства, доступные им, для включения в компенсацию элементов, которые они считали существенными. В задачу Европейского Суда не входило проведение общего исследования португальской системы установления и распределения судебных издержек. Тем не менее ее практическое применение в настоящем деле означало, что заявители не получили какой бы то ни было компенсации в связи с лишением имущества. При данных обстоятельствах условия компенсации - или, точнее, ее отсутствие - возлагали чрезмерное бремя на заявителей, нарушив справедливое равновесие, которое должно быть достигнуто между интересами общества и фундаментальными правами лица.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции (вынесено пятью голосами "за" и двумя - "против").

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить 190 000 евро в счет компенсации причиненного материального ущерба. Установление факта нарушения является достаточной справедливой компенсацией причиненного морального вреда.

Передача дел на рассмотрение Большой Палаты

В порядке применения пункта 2 статьи 43 Конвенции

Следующие дела переданы на рассмотрение Большой Палаты в соответствии с пунктом 2 статьи 43 Конвенции:

Сахновский против России [Sakhnovskiy v. Russia] (N 21272/03)

Постановление от 5 февраля 2009 г. [вынесено I Секцией]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.)

Шерифе Йиит против Турции [Cerife Yigit v. Turkey] (N 3976/05)

Постановление от 20 января 2009 г. [вынесено II Секцией]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 8 Конвенции.)

Компания "Саном айтгеве рс Б.В." против Нидерландов [Sanoma Uitgevers B.V. v. Netherlands] (N 38224/03)

Постановление от 31 марта 2009 г. [вынесено III Секцией]

(См. **выше** изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте статьи 10 Конвенции.)

Перед подписанием номера в печать

Европейский Суд награжден Медалью четырех свобод

Фонд Франклина Делано Рузвельта, расположенный в Миддлбурге (Нидерланды), присудил Европейскому Суду Международную премию четырех свобод ("International Four Freedoms Award"), отметив его весомый вклад в защиту прав человека в послевоенной Европе. Соответствующая награде Медаль четырех свобод будет вручена Председателю Европейского Суда Жану-Полю Коста в мае этого года на торжественной церемонии награждения.

Данная награда ранее вручалась, в частности, таким известным политическим и общественным деятелям, как Нельсон Мандела, Вацлав Гавел, Далай Лама и Кофи Аннан.

Медаль четырех свобод была учреждена в 1982 году Фондом в сотрудничестве с Институтом Франклина и Элеоноры Рузвельт. С тех пор она вручается раз в два года юридическим и физическим лицам, которые внесли существенный вклад в развитие четырех свобод, которые Франклин Д. Рузвельт, выступая перед Конгрессом в 1941 году, назвал основополагающими (цитируем по сайту <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetire-svobody.php>):

"В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая - это свобода слова и высказываний - повсюду в мире.

Вторая - это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает - повсюду в мире.

Третья - это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, - повсюду в мире.

Четвертая - это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни

одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, - повсюду в мире".

Секретарь-канцлер Европейского Суда Эрик Фриберг, комментируя присуждение Суду указанной награды, сказал, что она является международным признанием той важной роли, которую Европейский Суд, будучи независимым органом, наделенным правом призывать государства к ответственности за нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, играет в системе механизмов защиты прав человека.

В Европейском Суде по правам человека

Полномочия руководителей суда подтверждены

На пленарном заседании Европейского Суда по правам человека на очередные три года переизбраны на должности Председателя Жан-Поль Коста, его заместителя - Николас Братца, а на должность Председателя II Секции - Франсуаза Тюлькенс.

Жан-Поль Коста (Jean-Paul Costa) является судьей Европейского Суда от Франции с ноября 1998 года, Председателем Суда - с 19 января 2007 года. В течение срока полномочий судьи г-н Коста был и председателем Секции (с мая 2000 года), и заместителем Председателя Европейского Суда (с ноября 2001 года). До избрания судьей Европейского Суда от Франции Ж.-П. Коста являлся председателем одной из палат Государственного Совета Франции, а также занимался научной и преподавательской деятельностью в университетах Орлеана и Парижа (Пантеон-Сорбонна).

Сэр Николас Братца (Sir Nicolas Bratza) - судья Европейского Суда по правам человека от Соединенного Королевства с ноября 1998 года. С 2001 года он - председатель IV Секции, с 2007 года - заместитель Председателя Суда. Сэр Николас Братца обладает титулом Королевского Адвоката и незадолго до назначения судьей Европейского Суда был назначен на должность судьи Высокого суда Великобритании.

Франсуаза Тюлькенс (Francoise Tulkens) - судья Европейского Суда по правам человека от Бельгии с ноября 1998 года, с января 2007 года - Председатель II Секции Европейского Суда. Она доктор юридических наук (специализация - криминология), до избрания судьей Европейского Суда преподавала в ряде университетов Бельгии, Канады и Франции, а также была членом Европейского комитета по предупреждению пыток.

Соб.инф.

Постановления по жалобам против Российской Федерации

**Киселев против России
[Kiselev v. Russia]**

Заявитель, проживающий в Кировской области, жаловался на несправедливый характер судебного разбирательства по обвинению в изнасиловании и иных тяжких преступлениях, в ходе которого его уголовное дело было пересмотрено российскими судами, и новое наказание оказалось более суровым, нежели назначенное изначально.

Европейский Суд, установив, что судопроизводство по уголовному делу заявителя в целом было несправедливым, шестью голосами против одного постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 2 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Особое мнение по настоящему делу высказала судья З. Калайджиева (избранная от Болгарии).

Сергей Золотухин против России [Sergey Zolotukhin v. Russia]

Заявитель, проживающий в Воронеже, утверждал, что его судили дважды - в рамках административной и уголовной процедуры - за совершение одного и того же правонарушения.

Большая Палата Европейского Суда единогласно постановила, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции, и обязала государство-ответчика выплатить заявителю 1 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

Николенко против России [Nikolenko v. Russia]

Заявительница, российская военнослужащая, проходящая службу в Армении, жаловалась на отмену в порядке надзора вступившего в законную силу и необжалованного в кассационном порядке судебного решения, обязавшего директора пограничной службы обеспечить ее жильем и уволить со службы.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Колесниченко против России [Kolesnichenko v. Russia]

Заявитель, практикующий в Перми адвокат, обжаловал проведение обыска в принадлежащих ему жилых помещениях в связи с уголовным делом

его подзащитного.

Европейский Суд постановил единогласно, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 8 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Эдуард Чистяков против России [Eduard Chistyakov v. Russia]

Заявитель - бывший судмедэксперт, проживающий в Волгоградской области - обжаловал отмену в порядке надзора вступившего в законную силу судебного решения, не нашедшего состава преступления в факте подготовки им предположительно ложного экспертного заключения.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 1 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Сибгатуллин против России [Sibgatullin v. Russia]

Заявитель, отбывающий наказание в Нижнем Тагиле за совершение нескольких убийств, жаловался на то, что его кассационная жалоба была рассмотрена в его отсутствие и в отсутствие его адвоката.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Совпадающее мнение по настоящему делу высказали судьи Х. Розакис (избранный от Греции), Д. Шпильманн (избранный от Люксембурга) и Дж. Малинверни (избранный от Швейцарии).

Блинов и Блинова против России [Blinov and Blinova v. Russia]

Заявители - супруги, проживающие в Ставрополе и занимающие должности судей, - жаловались на длительное неисполнение (около пяти лет) и отмену в порядке надзора вступившего в законную силу судебного решения, обязавшего местные власти предоставить им служебное жилье.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 6 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Гасанова против России

[Gasanova v. Russia]

Заявительница, проживающая в Московской области, жаловалась на чрезмерную длительность (более пяти лет) производства по ее иску о взыскании убытков с ЖЭКа за некачественный ремонт ее квартиры.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям 2 400 евро в качестве компенсации морального вреда.

Сенченко и другие против России [Senchenko and Others v. Russia]

Заявители - 90 пенсионеров, проживающих в Республике Якутия, - жаловались на отмену в порядке надзора вступивших в законную силу и необжалованных в кассационном порядке судебных решений, присудивших им пенсии с повышенным коэффициентом.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола N1 к Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить каждому заявителю по 2 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, морального вреда и судебных расходов.

Тарнопольская и другие против России [Tarnopolskaya and Others v. Russia]

Заявители - 20 пенсионеров, эмигрировавших в Израиль из СССР в 80 - 90-е годы прошлого века - жаловались на отмену в порядке надзора вступивших в законную силу судебных решений, обязавших Пенсионный фонд РФ восстановить заявителям выплату пенсий по старости.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола N1 к Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить всем заявителям 102 828 евро в качестве компенсации материального ущерба, а также каждому заявителю по 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Жаркова против России [Zharkova v. Russia]

Заявительница, проживающая в Санкт-Петербурге, обжаловала чрезмерную длительность (более семи лет) производства по ее гражданско-правовому иску к бывшему работодателю - государственному исследовательскому институту о незаконном увольнении, компенсации

морального вреда и взыскании задолженности по зарплате.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице 4 800 евро в качестве компенсации морального вреда.

Пищальников против России [Pishchalnikov v. Russia]

Заявитель, до его ареста по подозрению в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений проживавший в Свердловской области, обжаловал чрезмерную длительность производства по его уголовному делу, а также отказ ему в доступе к адвокату на начальной стадии уголовного расследования.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 5 500 евро в качестве компенсации морального вреда.